Ведьма войны

Автор:
Андрей Посняков

Ведьма войны

Андрей Посняков

Александр Дмитриевич Прозоров

Драконы Севера #4

В мире колдовского солнца на полуострове Ямал, населенном динозаврами и колдунами, казаки охотятся за золотыми идолами местных дикарей. Им в плен попадает юная девушка Митаюки, получившая чародейское воспитание. Оказавшись невольницей, ведьма не сдается и шаг за шагом приучает казаков, собираясь использовать своих поработителей как оружие в борьбе за власть в колдовском мире. На стороне ведьмы – хитрость, знание русского языка и умение колдовать. А еще уверенность в том, что мужчины – это просто инструмент, подаренный богами женщинам для их нужд. Нужно лишь правильно данным свыше инструментом воспользоваться.

Александр Прозоров, Андрей Посняков

Ведьма войны

© Прозоров А., Посняков А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Осень 1584 г. П-ов Ямал

Троицкий острог

Волны бескрайнего холодного моря мерно накатывались на пологий берег острова, с шипением проваливаясь меж мелкой галькой длинного пляжа. Терпеливо, настойчиво, одна за другой, оставляя после себя пузырьки желтоватой пены. Иногда терпение бездонных вод вдруг прерывалось, и вместо скромных водяных взгорков на берег обрушивалась череда высоких валов. Иногда морю становилось лень, и волны проседали, превращаясь лишь в слабую зыбь. Но снова поднимался ветер, и снова вырастали гребни, накатывались на гальку и, злобно шипя, растворялись в ней.

Размеренный шум, размеренное движение, размеренное и однообразное бытие. Однако было в нем нечто странное, неправильное, что заставило юную чародейку Митаюки-нэ остановиться на своем пути к названому мужу, казачьему сотнику Матвею Серьге и оглядеться внимательнее.

Пустой берег, мерные звуки, холод и прибой…

Нет, какой-то из звуков в этой песне был явно лишним!

Митаюки приподняла ладони, чуть склонила голову, прислушиваясь, однако чужого колдовства не ощутила. Подумав, она прошептала простенький заговор против отвода глаз – это ведь не чары даже, а так, баловство девичье. И сразу заметила сидящую в тени прибрежного взгорка старуху, одетую в лохматую кухлянку из шкуры товлынга. Седые волосы трепались, как облепивший камень сухой мох, руки были худыми и сплошь покрытыми коричневыми пятнами, тонкая кожа туго обтягивала скулы и челюсть. Поджав под себя ноги, склонив голову и опустив ладони на разведенные колени, древняя служительница смерти негромко напевала, словно подражая шуму волн.

Митаюки сделала пару шагов в ее сторону, и шаманка громко хмыкнула:

– Ты все же заметила меня, юное дитя? Это радует. Я полагала, ты вовсе забыла заветы школы девичества и ныне видишь только то, что желаешь видеть.

– Что ты делаешь здесь, мудрая Нине-пухуця? – остановилась Митаюки в почтительном отдалении.

– Разве ты не видишь, дитя? Мы поем.

– Вы? – девушка настороженно осмотрела пустынный берег, но никого окрест больше не заметила.

– Мы, – согласно кивнула старая шаманка. – Я пою вместе с ветром, морем и небом. Вместе с островом и облаками, вместе с камнями и мхом. Иди сюда, дитя. Раз уж я избрала тебя в свои ученицы, ты споешь вместе с нами.

Спорить со злобной ведьмой Митаюки-нэ не посмела. Быстро приблизилась и села на камни рядом с ней, по примеру старухи поджав под себя ноги. Нине-пухуця закрыла глаза и снова тихонько завыла. Девушке просто скулить показалось глупо, и она спросила:

– Что мне делать?

– Стать частью этого мира, дитя, – ответила старая шаманка. – Частью ветра, частью моря, частью света и земли. Звучать, как они, ощущать то же, что они, и поступать так же, как они. Вас не учили этому в доме Девичества? Вестимо, тамошние воспитательницы не умели сами. Чтобы управлять миром, мало помнить заклинания и зелья. Надобно понимать, что и как происходит, что откуда тянется и на что влияет. Знать, что волна не приходит ниоткуда, ее рождает камень или ветер. Что ветер не веет ниоткуда, его рождают солнце и воды или снега. Что снега не сыплются ниоткуда, что рождаются они круговоротом жизни, убиваются дождем и оберегаются облаками. Что дождь не льется ниоткуда, он выжимается из облаков… Стань частью мира, ощути его, как саму себя, свои волосы, свои руки, свой голос. Научись чувствовать мир, как саму себя, и тогда мир тоже ощутит тебя своей частью. И твой голос сможет звучать морем, рождая волны; ветром, рождая ураганы; облаком, рождая дожди.

– Разве ради погоды мы не должны возносить молитвы всесильному северному богу Нгерму? – удивилась Митаюки-нэ.

– Который может услышать твои просьбы, а может и нет? – В голосе служительницы смерти прозвучало легкое презрение. – Ты полагаешь, дитя, я добилась бы своего могущества, кланяясь то одному, то другому духу? Надеясь на чужую милость, а не на свое умение? Если хочешь занять мое место, юная Митаюки-нэ, никогда не ищи себе покровителей. Живи так, чтобы покровительства искали у тебя.

– Да уж, от колдунов Дан-Хайяра пользы оказалось немного, – посетовала девушка. – Убежать сюда я могла бы и без их стараний.

– Это будет тебе полезным уроком, дитя, – усмехнулась Нине-пухуця. – Ты слишком полагалась на силу, хотя должна была опираться на мудрость. Ты обратилась к мужчинам за помощью, вместо того чтобы повелевать ими. Разве я не сказывала тебе, что на силу полагаются только самодовольные самцы и тупые ящеры? С чего ты вдруг решила, что тупые болваны Великого Седея способны добиться хоть каких-то побед?

– Ты считаешь чародеев Совета, сильнейших колдунов, глупцами, уважаемая Нине-пухуця? – удивилась Митаюки-нэ.

– А ты в этом сомневаешься? – хмыкнула старая шаманка. – Тебе мало одного урока? Они тупы, и ты с легкостью могла взять их под свою руку, заставив служить, как начинающие колдуны заставляют менквов выполнять все тяжелые работы. Забудь о силе, ученица. Ты женщина, и твое могущество в уме, а не в кулаках, дубинках или чарах. Пользуйся чужой силой и чужой слабостью во имя своего возвышения, а не борись с могуществом тех, кто все едино крепче. Смотри на любого врага, как на подпорку, которую нужно всего лишь пристроить к своему дому, дабы сделать его прочнее. Думай не над тем, как сломать или одолеть, а над тем, как использовать.

– А если твой враг не пожелает тебе помогать? Как его убедить, мудрая Нине-пухуця?

– Не нужно убеждать, глупая ученица. Ты меня разочаровываешь! – укоризненно покачала головой старая шаманка. – Не нужно просить или уговаривать. Нужно

использовать! Когда сильному человеку нужно откатить камень, он хватает валун и толкает. Умный берет слегу, подсовывает и отталкивает легким нажатием. Когда сильному мужчине нужно отнести бревно к дому, он кладет ствол на плечо и тащит, умный же сбрасывает в ближайший ручей с попутным течением. Когда сильному нужно переплыть море, он что есть мочи гребет веслами, а умный поднимает парус. Скажи, дитя, кто в этом мире сможет противостоять могучим ветрам, кто способен одолеть их, победить, опрокинуть? Однако же, как бы ни силен он был, имея руль и парус, ты с легкостью домчишь на лодке туда, куда нужно тебе, а не туда, куда пытается унести тебя ветер. И чем он злее, чем недовольнее, тем быстрее домчишь ты до своего, и именно своего причала.

– Легко вещать намеками и иносказаниями! – обиделась Митаюки-нэ. – С реальными людьми так просто, как с парусом и ветром, совсем не получается. Вон, Маюни, остяк малолетний, и рода шаманского оказался, и бубен у него наследный, намоленный. Как сей шаманенок начинает бить по натянутой коже, так все заклинания мои прахом идут! Уж дважды от него избавиться пыталась, а все никак. Отбивается, все порчи и проклятия рассеивает.

– Коли колдун хороший, отчего ты его чарами бьешь? Опять силу силой переломить надеешься? Чему тебя в доме Девичества учили, чадо?

– Слабость искать… – неуверенно ответила Митаюки-нэ.

– А в чем слабость колдуна сего?

– Молод еще, неопытен… – задумалась юная чародейка. – Мыслю, шестнадцати годков ему еще нет. Казакам, атаману предан, прямо как роду своему им служит. Еще он к Устинье слабость сердечную испытывает, да никак сблизиться не решится. Она, понятно, холодна. Мальчишка деве белой вроде как по душе, однако же о прошлом лете, сказывают, менквы ее изнасиловали. С того времени от мужиков Устинья шарахается. А поначалу, ведаю, даже руки на себя наложить пыталась.

– Ну вот! А сказываешь, места слабого у него нету! – обрадовалась служительница смерти. – Нечто устоит простолюдинка дикая пред умением твоим?

– Не устоит, – пожала плечами Митаюки-нэ. – Но жалко ее, ибо дева милая и добрая. Да и что проку мне с того, что ее изведу?

– А-а-а, позор на мою седую голову! – внезапно зашипела старая Нине-пухуця, воздев руки к небу. – Что за глупую девку выбрала я себе в ученицы! Она видит слабость своего врага, но не может придумать ничего, кроме убийства! Она не желает призвать себе в помощницы мудрость и хитрость и опять полагается лишь на силу, подобно тупым драконам и воинам! Позор мне! Клянусь семью дочерьми Сиив-Нга-Ниса, не желаю тебя больше видеть, жалкое порождение нуера! Прочь-прочь! Уходи! Не желаю больше тебя видеть!

И дряхлая служительница смерти внезапно растворилась в воздухе, словно ее и не было.

– Нине-пухуця! – вскочила девушка, с тревогой оглядываясь. – Ты где? Не бросай меня!

– Мне не нужны глупые ученицы, – прошипела, накатываясь на гальку, очередная волна. – Не приходи, пока не изгонишь врага своего… Не силой, умом одолев…

– Но как, Нине-пухуця? Дай мне хотя бы подсказку!

– Чтобы достать скорлупку из воды, не нужно ловить ее, дитя, – пропел ветер в самое ухо юной чародейки. – Брось неподалеку камень, и волны сами вынесут ее на берег.

Митаюки-нэ не рискнула ответить вслух, что она думает про намеки о скорлупках, камнях и волнах, дабы не раздражать могучую злобную колдунью… Впрочем, та и сама ее мысли и эмоции наверняка ощутила. Посему девушка лишь поклонилась вежливо и поспешила к острогу, к воротам которого успели добраться вернувшиеся с дровами казаки.

Острог, выстроенный на острове холодного северного моря, был могуч: шагов двести в длину и триста в ширину, пять человеческих ростов в высоту, нижние срубы засыпаны камнями и галькой, вход сделан через подвесной мост в ворота, поднятые на высоту в два роста, обширный ледник с припасами в подклети, в которую был превращен весь нижний этаж острога… Митаюки представить себе

не могла силы, способной захватить столь могучую твердыню! Однако белокожие русские воины постоянно продолжали что-то укреплять, доделывать, усиливать и наращивать.

Холодные воды надежно защищали острог от огромных ящеров, быстро засыпающих при остывании и теряющих подвижность. Пищали с фальконетами оберегали его от лодок с воинами сир-тя, если те попытаются переправиться с берега. Крепкие стены и подъемный мост спасали даже от тех врагов, что могли подобраться незамеченными, скрываясь под покровом темноты или колдовскими чарами. Ибо перебраться через препятствие такой высоты или пройти сквозь двойные тесовые ворота было не по силам даже сильнейшим из чародеев.

Увы – все имеет свои пределы. Даже заклинания.

Один недостаток был у твердыни – холодная. Здесь, на изрядном удалении от сотворенного мудрыми предками сир-тя второго солнца, зимой не таял снег, летом было зябко даже в ясные дни, а частые туманы пробирались во все щели, высасывая тепло, словно оводы живую кровь. Острог приходилось топить постоянно, доставляя из далеких сосновых боров и ельников по два-три струга дров каждый божий день.

Вот и сейчас, наполовину вытащив большущие корабли на берег, казаки, одетые в засаленные стеганые кафтаны и мохнатые шапки, забрасывали стволы сваленных где-то у реки сухостоев на плечи и по одному, по двое несли их к воротам.

Митаюки, раз уж не удалось встретить мужа перед причалом, метнулась к дороге и с разбегу повисла у него на шее, покрывая лицо поцелуями:

– Матвей! Вернулся наконец-то! Как я по тебе соскучилась!

Плечистый казак, черноволосый и чернобородый, с густыми, как усы, бровями, волочащий на себе ствол в три роста длиной, покачнулся от толчка и недовольно буркнул:

– Да тише ты, оглашенная! Повалишь! – Однако юная чародейка ощутила в его сознании теплую волну удовольствия. Суровому внешне мужчине нравилась страстность и преданность жены.

От идущих впереди и сзади воинов докатилась волна легкой зависти. Белокожие чужаки завидовали своему собрату, женщина которого относилась к нему с подобной страстью. Равно как и тому, сколь красива туземка сир-тя: и бедра широки, и грудь высока, и волосы пышны, и лицом гладкая. Все при ней. Митаюки-нэ недаром считалась в Доме Девичества одной из первых красавиц. Ну а того, что она была еще и одной из сильнейших чародеек – дикарям знать вовсе не следовало.

– Что же так долго? – Обнимая мужа и прижавшись к нему, Митаюки пошла рядом с Матвеем. – Я уже вся извелась!

– Да откуда долго-то? – недоуменно хмыкнул казак. – Утром отчалили, а ныне еще и сумерки не настали. Сухостоя и валежника в борах еще много, искать не пришлось.

– Беспокоилась я… – прижалась щекой к его плечу юная чародейка.

Учение Девичества гласило, что жена должна всегда выказывать радость возвращению мужа и проявлять о нем беспокойство. Радостная встреча у родного очага – твердый залог того, что мужчина всегда будет искренне стремиться домой, к супруге, а не искать другого приюта и утешения.

Увы, многие девушки сир-тя, покинув Дом Девичества, быстро забывали женское учение или не пользовались им, удивляясь потом, что мужья находят утешение в чужих объятиях.

Однако Митаюки-нэ была не такой. Она не забывала мудрости предков и знаний, на постижение которых ушло несколько лет. И хотя юная чародейка была уверена в любви своего мужа, выдержавшей испытание и разлуками, и размолвками, и смертельной болезнью, – однако же все равно не забывала и приворотным зельем не меньше раза в месяц его напоить, и радостными объятиями встретить, и в постели приласкать. Чем больше связующих нитей меж людьми – тем узы крепче.

Постоянный огонь горел в остроге в обширной жердяной пристройке во дворе, служащей одновременно и для приготовления пищи, и для выпаривания соли из морской воды, и для выварки клея из костей. В общем – не угасал ни днем ни

ночью. У казаков всегда находилось что над пламенем повесить. Дым поднимался вверх, стелился под крышей и выползал в широкую щель между дранкой и крепостной стеной. Однако благодаря постоянно полыхающему огню в пристройке все равно было жарко, тепло разливалось в стороны и через распахнутые двери башен, через окна пристроек, через сами стены – просачивалось внутрь, в обитаемые помещения.

Митаюки не раз удивлялась хитрости и мастерству белокожих иноземцев. И строили они быстро и прочно, и устраивались с удобствами в любом, даже самом диком месте, и ловко всякие свойства материалов подручных использовали. Хотя, конечно, – живи сир-тя в холоде, они бы наверняка тоже научились и дома с толстыми стенами строить, и тепло по спаленкам разводить, и деревья рубить споро, и очаги крытые делать.

Однако предки могучего народа сир-тя оказались куда более мудры и сильны и потому зажгли над выбранными для жизни землями второе солнце – куда более жаркое, нежели небесное. И потому их детям не пришлось придумывать изб с печами, теплых одежд, заботиться о припасах на зиму… Теперь Митаюки уже не знала – к добру ли была эта великая мудрость или нет? Жить в тепле и сытости, не знать опасностей и страданий. Можно провести весь век хоть голому, в шалаше – не замерзнешь. Можно не заботиться о пропитании – шаман к обеду всегда зверя какого-нибудь призовет. Можно не уметь сражаться – все едино любые споры Великий Седей, Совет колдунов, разрешает.

Может, и права злобная, проклинаемая всеми Нине-пухуця, служительница смерти? Может быть, и верно народу сир-тя нужно пройти испытание, оказаться на краю гибели – чтобы возродиться снова, вернуть силу, храбрость и мудрость далеких предков, что зажгли над северными землями жаркое второе солнце?

Первое, что услышала Митаюки, войдя в острог, – это протяжный гул бубна, подобно шипам речного ерша скребущего ее по коже. Намоленный поколениями остякских шаманов, покрытый заклинаниями и священными знаками, посвященный духам земли и богам небес, бубен потомственного шамана был силен, как племенные идолы сир-тя, и звук его, расползаясь, постоянно портил, корежил, рвал все наговоры и заклинания, что плела юная чародейка, защищая своих друзей и навевая порчу на недоброжелателей.

Самым обидным было то, что малолетний остяк, похоже, даже не догадывался, как сильно вредил стараниям Митаюки. Он просто пользовался бубном так, как

учили его далекие предки. Стучал по туго натянутой коже. Стучал часто и сильно, когда затевал свои родовые обряды, и редко, мимоходом – когда не имел никаких планов.

Вот и сейчас Маюни сидел в своей истрепавшейся малице возле рослой темноволосой казачки Устиньи, разминающей пупырчатую кожу волчатника, и что-то ей рассказывал, заставляя улыбаться. Но при этом не забывал, паршивец, время от времени шлепать ладонью по бубну!

Интересно, и что остяк нашел в этой бледной иноземке? Сам, вон, чуть не на голову ниже, в плечах вдвое уже. Узколицый, краснокожий, курносый. Всем же с первого взгляда понятно было – не пара! Ведь не раз в остроге пленницы и из рода ненэй ненэць оказывались, и из рода сир-тя. Иные и собой не плохи, и за мужчину схватились бы с радостью. Выбирай – не хочу. Ан нет, прилип Маюни к казачке, и глаз от нее не отводит, и ни о ком другом не говорит. Верно – ни о ком другом и не думает… Подлый шаманенок.

Может, вправду рассчитывает достойной парой Устинье стать, как вырастет? Все же он – мальчишка еще, ему расти и расти. И росту, глядишь, в нем изрядно еще прибавится, и плечи вширь развернутся… Хотя – не дастся казачка, наверное. После того что пережила – никому более в руки не дастся.

«Значит, Устинья – есть слабость шаманенка, – вспомнила юная чародейка подсказку Нине-пухуця. – Она беззащитна, через нее избавляться от Маюни и надобно…»

Митаюки-нэ отпустила локоть мужа, постояла в задумчивости и направилась в угол острога, к странной парочке.

– Хорошего тебе дня, милая Устинья! – приближаясь, кивнула юная чародейка. – И тебе хорошего дня, охотник Маюни!

– Чего тебе надо, ведьма?! – моментально окрысился остяк и торопливо дважды ударил в бубен. От него на Митаюки накатилась волна недружелюбия. Хорошо хоть, не ненависти.

Раньше шаманенок пленницу убить был готов, из мести за всех людей ненэй ненэць, уничтоженных, порабощенных или отданных на корм менквам

колдунами из родов сир-тя. Но теперь, после того как Митаюки, вытаскивая своего мужа из простых казаков в сотники, совершила для ватажников множество добрых дел – остяк девицу просто недолюбливал. Зарезать – не зарежет, спиной поворачиваться можно. Но помощи точно не дождешься.

– Ты чего так, Маюни? – Добродушная казачка, чувств своего малолетнего поклонника не понимающая, поднялась юной сир-тя навстречу и крепко ее обняла, поцеловала в щеку, сглаживая грубость остяка. – Митаюки же к нам с добром.

– Не умеют они с добром, сир-тя проклятые, – угрюмо отозвался шаманенок и опять шлепнул ладонью по бубну. – Будь их воля, все бы уже по ямам сидели. Хорошо хоть, не управиться им с русскими. От и ластятся.

– Зря мечтаешь, следопыт, – усмехнулась Митаюки-нэ. – Чтобы ластиться, у меня муж имеется единственный. Ему верна до конца жизни буду и ни к кому иному даже под пытками не прикоснусь!

– Мягко стелете, ведьмы. – Над острогом прокатился очередной «бум-м-м!». – Ан постели завсегда с шипами ядовитыми.

– Муж не жаловался. – Чародейка присела рядом с белокожей подругой и тоже стала разминать кожу, взявшись с жесткого, еще дальнего края. – Или ты ему, Маюни, завидуешь? Ревнуешь, что не тебе, а Матвею Серьге ложе стелю?

– Вот еще! – аж дернулся остяк и торопливо, с опаской, глянул на казачку. – Ус-нэ тебя во сто крат милее! Лучше рядом с нею просто сидеть, нежели с тобою спать!

– Перестань, Маюни! – теперь уже зарделась от смущения Устинья. – Что ты говоришь?

– А то и говорю! – вскинулся остяк. – Мне уже больше пятнадцати годов, почитай! Охотник я! Могу тебя под защиту взять, коли нужда такая выйдет. И голодной рядом со мной ты никогда не останешься!

И про бубен свой шаманенок забыл, и про нелюбовь к чародейке из рода сир-тя, и про невозмутимость мужскую – про все сразу. Нет, все-таки Устинья была его самой главной слабостью. Вот только как ею воспользоваться? Никакими заговорами, порчей или зельями до казачки не добраться – развеет шаманенок.

Разве токмо самого спровадить, а опосля и за деву взяться…

Митаюки прищурилась, спросила:

– Скажи, следопыт, как долго вам до городов русских добираться пришлось, когда вы летом кость товлынгов там на зелье и одежду теплую меняли?

– А тебе зачем, ведьма? – моментально насторожился юный шаман, хотя за бубен и не схватился. – На наши ладьи порчу кто-то напустил, вот что я тебе о том путешествии скажу!

Чародейка пожала плечами, словно не понимая, о чем он сказывает, и опять поинтересовалась:

– Интересно, коли вдоль берега на закат плыть, на лодке легкой, под парусом, быстро ли добраться можно, просто ли? Коли припасы собирать, так пары мешков вяленой рыбы на путника хватит али мало выйдет?

– Незачем тебе сего знать, сир-тя! – Маюни, быстро становясь прежним, взялся за бубен. – Знаю я вас, колдунов… До земли большой доберетесь, порчу на города напустите, головы людям заморочите… Весь мир вашими подлостями пропадет. Будет и на русских землях, ако здесь: токмо вы да чудища.

– Не хочешь сказывать, и не надобно! – Митаюки сделала вид, что обиделась. Бросила кожу, поднялась, посмотрела на Устинью, поправила ей выбившуюся из-под платка прядь волос: – Хороша ты на диво, казачка русская. Скажи, а по обычаю вашему токмо мужу волосы твои видеть можно али еще кому?

– Коли по обычаю, то мужу одному, – согласилась девушка. – А коли по жизни, так и подругам, и в бане, с кем паришься, видят. Ну и дети, знамо… Коли будут…

Устинья понурилась, стала сильнее растирать шкуру волчатника, придавая ей мягкость. Чародейка же, отступив и бросив на шаманенка недовольный взгляд, отправилась через весь острог к воеводскому дому, толстостенному, рубленному из еловых стволов пятистенку, уже точно зная, что надобно делать, дабы шельмеца укротить.

Здесь Митаюки повезло – Настю, жену атаманскую, она аккурат за кормлением сына застала. Мужчин же никого не имелось. То ли укрепления и посты атаман с сотниками обходил, то ли с дровами помогал, то ли за стругами присматривал, и потому женщина была одна, излучая волны умиления. Почти одна – причмокивающего малыша на ее руках в расчет брать было еще рановато.

– Славный крепыш! – похвалила младенца Митаюки. – Ишь, какой розовощекий! Ручки толстые, сам упитанный, волосики уже растут. Крепкий воин будет, статный и красивый!

– Сплюнь, сглазишь! – торопливо перекрестилась женщина.

– Я порчи не наведу, ты же знаешь, – спокойно ответила юная чародейка и провела обеими ладонями вдоль тела малыша, внимательно прислушиваясь к ощущениям. – Не, все ровно и тепло, провалов не ощущается. Здоровенький. И сглаза никакого. Хочешь, амулет защитный от наветов и лихоманки сплету?

– Нехорошо это, не по-христиански, – покачала головой юная мать, поправила платок. Юная ведьма ощущала, что в душу подруги просачивается неуверенность. – Грех. Бесовство.

– Так мы отцу Амвросию ничего не скажем, – подмигнула Митаюки женщине.

– Ну, если не сказывать… – еще больше заколебалась Настя.

– Сплету, заговорю, а ты в колыбельку спрячешь. – Чародейка сир-тя отошла к плетенному из толстого лыка коробцу, подвешенному к потолку. Внутри лежал толстый слой мягкого и теплого болотного мха, сверху застеленный серой тряпицей. – Подо мхом никто не увидит.

– Коли не увидит никто… – Женщина прикусила губу, все же не решаясь открыто соглашаться на языческий оберег.

– Зима скоро, – погладила ладонью край колыбельки Митаюки. – Мы здесь от солнца предков далеко, холодно будет. Дитям хорошо бы подстилки из шерсти товлынгов свалять. Шерсть сия от холода зело хорошо спасает. И лечебная она. От половины хворей оберегает. Для малых полезно очень было бы. Их у нас в остроге ныне с полдесятка набирается. Позаботиться надо бы.

Юная чародейка уловила возникшую в сознании атаманской жены волну жалости. И даже поняла, чем она вызвана, ибо ощущала эту эмоцию не в первый раз. Здешние жалели Митаюки за бездетность, муж тревожился за здоровье названой супруги, иные казаки поглядывали с удивлением… Что поделать – дикари пребывали в уверенности, что замужняя баба обязательно должна «понести». И коли пуза нет – стало быть, больная, неладно что-то с женщиной.

Считаться увечной чародейке не хотелось, и она в душе смирилась с тем, что рожать придется. Но момент сей все откладывала и откладывала, надеясь родить не женой сотника в дымном тесном остроге, а супругой вождя в собственном просторном жилье.

Однако, похоже – пора. Еще немного – и вместо удивленных взглядов будут косые, потом пойдут слухи… И все, от пятна не отмажешься. Навсегда болезной считаться будешь.

– Ничего, Митаюки, все хорошо будет, – внезапно утешила ее казачка, словно подслушав тревожные мысли. – Ты еще молодая.

– Да, будет, – рассеянно ответила чародейка. – А шерсть товлынгов зело на пользу острогу нашему пришлась бы. Дитям подстилки, воинам плащи, штаны, малицы теплые, стенам обивка. Товлынги перед зимой линяют, и потому ныне шкуры их особенно теплыми будут. Да и мяса, знамо, с каждого изрядно выходит. Мясо лишнее острогу ведь только на пользу будет? Зима скоро. Реки и море замерзнут, рыбалка кончится. Кушать же токмо сильнее захочется.

– Да, Митаюки, да, – утешающе кивнула Настя.

Ребенок, наевшись, отвалился от ее груди. Женщина промокнула его губы мхом, отнесла в колыбель.

– Пойду я… – завистливо вздохнула юная чародейка.

– Ты заходи, милая, – оглянулась на нее жена атамана. – Поболтаем.

– Зайду, – кивнула Митаюки. – Оберег сплету и приду.

На улице уже наступили сумерки, и почти все обитатели острога собрались в загородке, у длинного пылающего очага. Афоня Прости Господи прочитал молитву, благословляя снятые котлы с мясным варевом, слегка разбавленным найденными на берегу кореньями, луковицами и сушеными травами, – и люди взялись за ложки.

То, что ватага питалась вся вместе, у общего очага, было для Митаюки привычно. В селениях сир-тя тоже весь род за едой собирался вместе. В одиночку, в домах, кушали лишь больные, немочные да иногда – вожди с колдунами, отделяясь ради своих бесед и советов. Странным казалось то, что ватажники не знали разницы между людьми, равно пуская к своим котлам и атамана, и простого ватажника; и русского, и остяка, и пленниц сир-тя, и законных жен. Словно бы и не было меж людьми разницы в происхождении, в родовитости и разноплеменности, разницы меж победителями и побежденными.

Сходив наверх, в спаленку, за ложкой – вместительностью в два кулака, казаки такими пользовались, – Митаюки-нэ зачерпнула варева для себя, нашла взглядом мужа, уселась на длинной лавке рядом с ним, нагло оттерев Кольшу. Казак, впрочем, не противился: как же жену к мужу не пустить?

Чародейка прижалась к Матвею, отхлебнула немного зачерпнутого варева, положила ему голову на плечо:

– Как хорошо, что ты со мной, любый мой, единственный…

Муж молча обнял ее за плечо. Митаюки довольно мурлыкнула, притерлась к нему.

Вечером в загородке было хорошо. В тесном кругу ватага казалась единой, а все – друзьями друг для друга. Плясали языки пламени, лицо грело огнем, а животы – растекающимся внутри варевом. Казаки шутили и смеялись, целовали своих женщин и ласкали пленниц. И что странно – здесь, в общем веселье, даже невольницы не испытывали такого уж большого страдания. Наверное, потому, что были уверены: что бы ни случилось, как бы ни сложилась судьба, как бы ни вели они себя днем, переча старшим или ленясь, однако каждый вечер здесь, в остроге, они найдут крышу над головой, сытный ужин и… И ласку сильного мужчины. Что за жизнь женщине без жарких объятий? Не всем дано, как Митаюки, самой выбрать себе мужа. Но вкусить сладость крепких объятий желает каждая…

– Ты кого хочешь, мальчика или девочку? – подняла глаза на Матвея юная чародейка.

– Чего вдруг спросила? – прервал рассказ о пляшущих бревнах Серьга. Сегодня у него так вышло, что две сухостоины убежать от струга пытались. Как потом оказалось, из-за упругой ветки, затаившейся под бортом.

– Выбрать можешь, любый мой. – Спрятав за пояс опустевшую ложку, Митаюки повернулась и откинулась на спину, положив голову ему на колени и глядя в лицо снизу вверх, пальцем отводя упругую бороду. – Как скажешь, так и будет.

– Что, уже? – Тяжелая ладонь казака скользнула по ее телу, остановилась внизу живота, поверх кухлянки, чуть сжалась.

– Чтобы сие «уже» настало, муж мой драгоценный, стараться надобно, – задорно ответила Митаюки, – а не на завалинке рассиживаться!

Ближайшие воины дружно расхохотались:

– Эк тебя, Матвей! Поддела дикарка-то! Захомутала, своего требует!

– Пожалуй, оставлю я вас ныне, братцы, – поднялся Матвей Серьга и подхватил хрупкую девушку на руки. – Дела.

Казаки развеселились еще больше:

– Всегда бы нам такие заботы! Бедный сотник, ни днем ни ночью роздыха нету! Вот она, жизнь женатая! Даже поесть, и то толком некогда!

Впрочем, смех смехом – а сами ватажники сразу к полонянкам потянулись, дабы тоже на свою долю «работы» сладкой найти.

Матвей Серьга внес девушку в башню, стал подниматься по ступеням. Казак, казалось, не ощущал ее веса – могучий, как трехрог, и столь же несокрушимый. Митаюки видела его в бою, и воспоминание о той схватке, в которой она сделала свой выбор и в которой решалась ее жизнь и судьба, разбудили желание. Обнимая мужа за шею, она подтянулась, зарылась лицом в курчавой бороде, а потом стала целовать губы.

Сотник преодолел последний пролет лестницы, ногой захлопнул люк, опустил жену на закрытую покрывалом копну сена, стал неспешно раздеваться. Митаюки же торопливо скинула кухлянку, откинула в сторону и сзади напрыгнула на мужа, опрокинув на постель. Вывернулась из-под падающего тела, тут же оседлала. Матвей не сопротивлялся. Юная сир-тя уже давно успела приручить могучего дикаря – доказав, что нежные игры доставляют куда больше удовольствия, нежели грубая похоть. Теперь эта непобедимая гора мяса и воинского мастерства покорно отдавалась ее прихотям, не помышляя о сопротивлении.

Шрамы, шрамы, шрамы. Округлые и вытянутые, угловатые и похожие на паутины. Испещренная ранами грудь казака раскрывала всю его суть и судьбу. Прижав ладонями плечи мужчины к постели, юная чародейка стала целовать эти шрамы, словно соприкасаясь с жизнью мужа, – но бедра ее при этом, конечно, лежали на бедрах мужчины и «совершенно случайно» то и дело касались его достоинства, то отодвигая, то прижимаясь – и тут же отдаляясь.

Само собой, плоть ее жертвы не выдержала издевательства, быстро набирая силу, и вскоре Митаюки ощутила попытки плоти пробиться дальше, к вожделенным глубинам. Однако казак еще владел собой, желая просто получить удовольствие. Потому, верная учению девичества, чародейка не поддалась, прикинулась непонятливой, продолжая оглаживать руками грудь Матвея, то сдвигаясь чуть ниже и почти позволяя мужчине добиться своего желания, то вдруг поднимаясь выше, целуя его в глаза или губы, но тем самым ускользая от почти ворвавшейся внутрь горячей плоти и тут же опять соскальзывая, словно поддаваясь.

Воина хватило совсем ненадолго. Разгоряченный, раздразненный, раздираемый между близостью и недоступностью, он окончательно ухнулся в пучину страстного желания, аж зарычав от ярости, скинул ее и навалился сверху, прорвав сразу все преграды, заполнив всю, да самого потаенного уголка – если не плотью, то желанием, смял, одолел, покорил. И Митаюки с готовностью сдалась, растворяясь в потоках его любви, отдаваясь целиком и полностью, позволяя мужчине все, чего ему только желалось…

«Пусть будет мальчик… – решила она и раскрыла врата своего лона, позволяя мужу стать властелином даже там, где раньше оберегалась ее последняя тайна. – Пусть будет сын!»

Митаюки закрыла глаза и отпустила из сознания последние мысли, оставляя в себе только сладострастие, жар и желание…

* * *

Утром, после завтрака, казаки собрались неподалеку от ворот, слушая атамана, покивали, разбились на три группы, разошлись. Кто с копьями и пищалями службу нести, кто налегке к ладьям за дровами, а еще полтора десятка мужчин пошагали к острогу. Среди них – Маюни со своим бубном и, увы, Матвей Серьга, на ходу поправляющий широкий пояс с саблей и топориком.

Юная чародейка, довольная собой, пригладила волосы. Она точно знала, что поручил казакам их храбрый воевода Иван Егоров, сын Еремеев. Ибо ночная пташка своего всегда добьется. Сказал атаман казакам, что надо бы на товлынгов поохотиться. Ибо зима скоро, одежда нужна и припасы, а каждый шерстистый слон – это груда мяса, теплая шкура и изрядно шерсти. Надобно хоть несколько штук, да выследить…

А где охота – там без следопыта не обойтись. И поедет Маюни из острога на берег дальний дней на десять самое меньшее, перестав путаться у Митаюки под ногами.

– Но самое главное, все это я сотворила без малейшего колдовства, – похвалила себя чародейка и поспешила навстречу мужу.

– Вот, товлынгов атаман набить задумал, – кивнул подбежавшей супруге Матвей. – К обеду выступаем. Собраться надобно, припасы взять, кулеврину приготовить.

– Ты за старшего? – ревниво спросила Митаюки.

– Я стрелок лучший в ватаге, – безразлично ответил Серьга. – Посему от кулеврины меня отвлекать не след. Силантий старшим пойдет, я же при пищалях и кулеврине буду.

Чародейка прикусила губу, с трудом скрывая злость. Вот оно как бывает: старалась, в десятники мужа вытаскивала, опосля в сотники, атаманом даже на время сделала. Но стоило всего ненадолго его одного оставить – и вот, пожалуйста! Уже обратно в стрелки простые сотоварищи задвинули.

Ну, да ничего. Она вернулась – и атаманство Матвею тоже возвернется.

– Плащ возьми обязательно! – забегая сбоку, потребовала Митаюки. – Холодно там, на берегу, я точно ведаю. И полога для чумов, дабы под небом открытым не ночевать!

– Не боись, милая, – поцеловал Серьга заботливую супругу. – Казаки в походах живут, дело привычное. Не пропадем.

Мужчины, конечно же, в первую очередь озаботились копьями, зельем да пищалями. Серьга, с разрешения Ганса Штраубе, сдружившегося с атаманом и ставшего ему правой рукой, выбрал две кулеврины, сняв одну с надвратной башни, а одну – достав из запасов оружейного амбара, самолично выкатил бочонок с порохом и отобрал два десятка ядер, размером с грецкий орех каждое.

Съестными припасами занимался Силантий, прочими хлопотами – Маюни, еще на Каменном поясе прибившийся к ватаге именно как следопыт и охотник, знакомый с местными хитростями.

Люди ватажники, может, и опытные – однако мужу в заплечный мешок Митаюки двух толстых соленых сигов все же засунула. Пусть будут – мало ли что?

К полудню, перекусив напоследок густой рыбьей ухой, охотники погрузились на струги и отвалили от берега. На берегу их провожало несколько женщин. Митаюки, конечно же, до последнего держала Серьгу за руку. Ее подруга по Дому Девичества, Тертятко-нэ – так же тоскливо расставалась со своим молоденьким Ухтымкой. Похоже вели себя еще несколько круглолицых девушек сир-тя, нашедших себе избранников среди иноземцев. К ним Митаюки-нэ относилась с легким презрением. Пленницы, выбравшие себе новую жизнь, в большинстве до сих пор не удосужились выучить речи своих мужей!

Пришла на берег и статная, большеглазая Устинья, провожая своего маленького преданного Маюни. Вроде как в кухлянке, подаренной пареньком, вроде как согласная с тем, чтобы он всегда находился рядом, вроде как грустящая из-за разлуки. Но… Но по-прежнему отчужденная, словно меж ней и остяком стояла тонкая, но прочная ледяная стена. Никаких поцелуев, никаких объятий. Руками соприкоснутся, и то редкость.

– Устинья и следопыт никогда не будут рядом, – отступив подальше от Тертятко, на языке сир-тя сказала Митаюки. – Маюни не способен ее удовлетворить. О прошлом лете Устинья с менквами переспала. Теперь обычный мужчина для нее ничто, с людоедами простому воину не сравниться.

– Да ты что?! – дружно охнули полонянки.

– А то, подруги! У менквов он знаете какой? Обычным мужикам такого даже и не унести! Потому после менквов женщины на своих соплеменников больше уже не смотрят. Хотят еще раз удовольствие, как от менквов, испытать, а воины простые повторить сего не в силах.

– Не может быть!

– Да вы сами у нее спросите, какое это ощущение крепкое: менква могучего в себя допустить! Такое в простой жизни не повторится… – Не обрывая рассказа, Митаюки улыбнулась казачке, помахала рукой отплывающему мужу.

Это было на удивление удобно – говорить так, чтобы тебя понимали лишь те, кому нужно. Теперь сим дурочкам достаточно память слегка подтереть да любопытство усилить, и откуда слух пошел, полонянки уже не вспомнят. Но сам слух и интерес к постельному приключению казачки у них останется. Где это

видано, чтобы девицы подобную историю, да позабыли? Тепереча половину зимы обсуждать достоинства менквов станут и то, здорово сие отличие или ужасно.

– Устинья, твой следопыт не сказывал, как долго они охотиться будут? – громко спросила подругу юная чародейка.

– Ден десять полагает, – вздохнула казачка. Видно, уже скучать по поклоннику начала. – Коли не выследят никого, за припасами вернутся и снова поплывут. Мясо перед зимой запасти на ледник надобно. И шкуры зело потребны.

– Долго, – цокнула языком Митаюки. – Кстати, шкуру ты вчера для чего теребенила?

– Сапоги старые вконец истрепались, – опустила глаза вниз казачка. – Новые нужно сшить. Вот, Маюни после охоты недавней шкуру отложил.

– Так давай помогу! Неудобно ведь одной-то, – взяла подругу под локоть юная чародейка и решительно повела к острогу.

Полонянки провожали белокожую женщину изумленными взглядами. Устинья внимательных глаз покамест не замечала, но чародейка знала, что это ненадолго. Женское любопытство – страшная вещь. Особенно если его поддержать наговором, подпиткой эмоции и наводящими подсказками. Но сегодня слух, понятно, разбежится только между своими и до тех, кто говорит по-русски, не доберется.

Шитье сапог – дело несложное. Однако же одному управляться неудобно, а потому помощь подруги Устинья охотно приняла. Вернувшись на двор, казачка достала из мешочка размятую накануне кожу, скинула старую обувку, поставила ногу на край отреза. Митаюки, подобрав возле очага уголек, опустилась перед ней на колени, загнула короткий край спереди, закрывая ступню, а длинный прижала сзади.

– Тебе длинные нужны, милая Ус-нэ, али короткие? – поинтересовалась девушка.

– Почему ты называла меня «Ус-нэ», Митаюки? – вскинула брови казачка.

– Слышала, Маюни тебя так кличет. Забавно звучит, мне понравилось.

– Ну его, придумывает, – отмахнулась Устинья. – До колена отмечай. Выше неудобно будет.

– А чего неудобно-то? Кожа мягкая, следопыт твой не зря выбирал. Обогнем плотно, пришнуруем… Старается для тебя Маюни. Сразу видно, не надышится.

– До колена хватит, – ответила казачка. – Так привычнее.

– Дело твое, Устинья. – Митаюки сделала углем отметку, загнула кожу, обернула ею ногу подруги, покачала головой: – Однако же, любит следопыт тебя, аж завидно. Глаз не отводит.

– Не нужно мне ничего этого, Митаюки! – как отрезала казачка. – Обойдусь без страстей похотливых, накушалась!

– Ножкой-то не топай, красавица, выкройку размажешь! – попросила чародейка.

– Ой, прости. – Добронравная Устинья успокоилась так же быстро, как разгорячилась, и позволила подруге провести линии в местах, где края кожи соприкасались.

Тем временем к ним подошла Тертятко-нэ, присела рядом, спросила на языке сир-тя:

– Скажи, Ми, а правда, что дикарка сия белая такое удовольствие от менквов получила, что теперь на простых мужчин и не смотрит?

«Однако же, быстро молва побежала…» – удивилась чародейка и мотнула головой:

– Не стану я иноземку о таком спрашивать, обидчива больно! – резко ответила она. – Коли узнать хочешь, у ее единокровок белокожих поинтересуйся. Им-то она уж наверняка похвасталась! Вон, у Насти хотя бы. Иди!

Тертятко, еще в Доме Девичества привыкшая повиноваться родовитой подруге, послушно поднялась и зашагала к дому атамана.

– Чего она? – Устинью боги тоже не обделили любопытством.

– Да Настя, жена атаманова, глупость о тебе ляпнула, – небрежно отмахнулась Митаюки. Менять названное имя было уже нельзя. Ведь имена на всех языках звучат обязательно.

– Какую глупость?

– Я и дослушивать не стала. – Чародейка изо всех сил изобразила озабоченность. – Смотри, много тут отрезать придется! Что скажешь?

– Больше одной пары все едино не сшить. Режь, не жалей! Волчатников в лесу много.

– Это верно! Маюни, будет нужно, еще добудет. Он ради тебя даже с трехрогом сразиться не откажется… – опять свернула на нужную тему чародейка.

Главное она уже сделала: дала подруге догадку об источнике будущих слухов. Пусть считает, что это Настя, жена атамана, болтает. Тогда уже точно Устинья помощи ни у атаманши, ни у самого воеводы русского искать не станет. А пока… Пока Митаюки развернула кожу, выдернула из ножен бронзовый клинок, подаренный ей после схватки в кустарнике, и решительными движениями обрезала кожу по угольным линиям.

– Давай, ставь обратно. Примерим.

– Великовато сильно получается, Митаюки.

– Не беспокойся, Ус-нэ. Лишнее подрезать легче, нежели недостающее добавить. Вот сейчас… – Чародейка плотно обернула кожей ногу. – Да, хорошо встает. На полпальца по краю подравняю, и будет в меру. Маюни глаза отвести не сможет. Хороший он парень. Храбрый, смышленый. Тебе с ним повезло…

Между тем небо нахмурилось, в воздухе закружились крупные белые хлопья, немедленно сдутые сильным порывом ветра. Однако небеса не сдались и посыпали на землю редкий, однако крупный дождь, капли которого ощутимо стучали по коже. Обитатели острога засуетились, побежали в стороны, укрываясь кто в башнях, кто в загородке с жарким очагом. Забежали сюда и подруги, уселись на чурбаке у стены, и Митаюки принялась ловко вертеть костяным шилом дырки для сшивки ступни. Устинья тем временем старательно нарезала тончайшие кожаные полоски, которые должны были заменить нить. Не мочалом же липовым сапожки сшивать!

– Василий! – неожиданно вскинула руку Митаюки, поманила вошедшего с тяжелой корзиной казака. – Давно я тебя не видела. Иди сюда! – И чародейка сразу предупредила Устинью: – Это друг верный мужа моего, корабельщик хороший.

– Знаю я кормщика Василия Яросеева, – не поняла ее пояснений казачка. – Чай, с нашей ватаги.

– Он тоже за припасами на Печору плавал, – проводила воина взглядом юная ведьма. – Может, хоть он чего интересного расскажет, дабы мы за работой не скучали. Любопытно же!

Василий, как и многие воины ватаги, на Митаюки искоса поглядывал, хотя на жену соратника, понятно, не покушался. Однако, раз уж сама позвала, откликнулся. Оставил корзину с уловом возле полонянок сир-тя, дабы разбирали, повернул к девушкам:

– Доброго вам дня, красавицы писаные!

– Какой же он добрый, Вась? Дождливый чего-то день, холодный, – пожаловалась Митаюки. – Вот, прячемся. А ты, ведаю, путником себя знатным выказал. Давай, расскажи! Как вам на берега восточные плавалось, что видели, как путь нашли, далеко ли до Печоры добираться?

– Путь на деле не такой уж и долгий. Коли с ветром попутным идти, так и за неделю добраться можно, – польщенный вниманием, начал рассказывать кормчий. – Ден пять до устья Печорского да пару дней вверх по реке до острога Пустозерского. Быстро проскочить можно, одна нога здесь, другая там. Однако

же не везло нам с самого начала, ровно порчу кто-то навел. Поперва на засаду нарвались, опосля струг на скалы напоролся, потом чуть не заплутали…

Сказителем Яросеев оказался неожиданно неплохим и очень быстро собрал вокруг себя изрядное число слушателей. Да и то слово – скучно в остроге, жизнь однообразная. А тут какое-никакое, а развлечение. Тем паче что и работать оно не мешало. Пластай себе рыбьи тушки али распорки в брюшину мелочи ставь – да слушай. Женщины испуганно охали при упоминании мечущих камни менквов и летающих колдунов, казаки, вороша угли и подтаскивая дрова, покачивали головами. А когда струг с треском напоролся на высунувшуюся из моря скалу, Настя и Олена даже охнули, вскинув ладони к лицу, так повестью увлеклись.

Закончилось все, знамо, хорошо – каждый обитатель острога знал, что домой караван с Печоры вернулся благополучно, привезя и огненное зелье, и ядра к фальконетам, и сукно с полотном для обносившихся казаков, и железо нужное: скобы, топоры, ножи, шила и иголки. Однако поволновались бабы и мужчины всласть, прямо как заживо приключение летнее повторили. И судя по взглядам многих дев, грядущая ночь обещала стать для казака сладкой на удивление.

К концу рассказа Митаюки аккурат управилась с ушивкой сапога – сперва протянув крючком ремешок через приготовленные дырочки, а опосля, уже на ноге Устиньи, туго затянув по месту и закрепив несколькими узлами.

– Скажи, Василь, как кормчий бывалый и опытный, – обратилась она к Яросееву в наступившей тишине. – А человеку неопытному безопасно до Печоры добраться можно? Ну, дабы не заблудиться, не пропасть. На небольшой лодке с парусом получится?

– Так дело нехитрое, – под восхищенными взглядами женщин небрежно пожал плечами ватажник. – Коли вдоль берега недалече идти и при плохой погоде на сушу выбираться да пережидать, так и доплывешь без хлопот особых. Токмо дольше сие получится. Мыслю, не на неделю, а на две, а то и три путь растянется. А ты что, дева Серьгова, никак в Пустозерье податься задумала?

– Ты же его хвалишь? – вскинула густые черные брови Митаюки. – Живется там, по словам твоим, легко и сытно, войны неведомы, земля богата.

– Для тех, кто трудиться готов, земля везде богата, девица красная. А коли муж работящий, так и в доме сытость.

– Ну, лучше мужа мого, Матвея Серьги, в мире не сыскать, с ним не оголодаю, – невозмутимо отрезала юная чародейка. – Коли устанет он в остроге жить, попрошусь по пути, тобой указанном, на Печору сплавать, красоты тамошние посмотреть. Может, и останемся… – Митаюки отмерила паузу, испуская вокруг себя волну умиротворения, делая это чувство столь сильным, как только могла. – Или не останемся. Там ведь не знает нас никто, новую жизнь начинать придется, словно новорожденным. А здесь нам все знакомы, все приятны, к каждому с добром относимся, и нас все любят… – И она решительно отмахнулась: – Нет, не поплывем.

Обитатели острога зашевелились, улыбаясь такому выводу. Сотворенное юной чародейкой умиление попало на благодатную почву. Люди посмотрели друг на друга иными глазами, как на близких друзей, почти родичей. Но важным стало то, что причиной для добрых мыслей стали слова Митаюки.

Одна важная для всех фраза, другая, третья. Чем дальше – тем внимательнее слушают, больше верят. Так, из маленьких побед, словно из ступенек бесконечной лестницы, и складывается весомость мнения настоящего вождя.

Учение девичества равно излагают для всех. Но пользуются знанием отчего-то лишь редкие единицы. Эта странность всегда удивляла Митаюки-нэ. Однако чародейка из знатного рода предпочитала удерживать удивление в себе. Ибо намеревалась стать той самой «единицей», что возвысится над прочими. Зачем собственными руками плодить себе соперниц? Пусть остаются ленивой толпой подданных.

Затем был ужин, ночь – и новое утро началось уже с откровенно проливного дождя.

Впрочем, занятые делом ватажники сразу подправили свои планы, сунув приготовленную для завяливания рыбу в густой дым от принесенных влажных веток: горячее копчение тоже неплохо продукты сохраняет, тем паче что ледник имеется. Мужчины занялись конопаткой стен изнутри, дабы зимой не дуло, ну а женщины, понятно, – стиркой грязной одежды, ремонтом чистой. Митаюки же, отведя Устинью, стала кроить по ее ноге второй сапог.

Прочие женщины, проходя мимо, все чаще и чаще бросали на казачку любопытные взгляды. К обеду не выдержала душевных мук щуплотелая Ябтако-нэ, еще совсем недавно впервые вкусившая сладость мужских ласк и потому терзаемая любопытством сильнее прочих. Но, кроме того, уже неплохо говорящая по-русски.

– Прости, уважаемая казачка, – со всем уважением поклонилась прибившаяся к Яшке Вервеню черноволосая полонянка, – дозволь вопрос задать, Устинья уважаемая…

Чуть поодаль собралось еще несколько девушек, языка толком не знающих, но все равно с интересом прислушивающихся.

– Да спрашивай, чего там? – улыбнулась ей добродушная казачка.

– Скажи, уважаемая Устинья, – покосившись на подружек, понизила тон Ябтако-нэ. – Верно ли люди сказывают, что у менквов достоинство столь велико, что познавшая людоеда женщина ни на какого другого воина больше и смотреть не может?

Казачка, успевшая почти забыть давний позор, громко сглотнула и на глазах побледнела.

– А ну, брысь отсюда! – выпрямившись, громко рявкнула Митаюки, одновременно выплеснув на девок чувство веселья.

Старшинство чародейки в ватаге было достаточно велико, чтобы полонянки испуганно прыснули в стороны. А родовая колдовская сила оказалась достаточна, чтобы пробудить в слабых умишках смех, с каковым сир-тя и разбежались.

– Как?.. – Устинья, белая как снег, подавилась словом.

– Милая, милая моя, ты чего… – обняла ее за плечи Митаюки. – Вот дуры-то какие! Нечто Настю подслушали? Пойдем, пойдем отсюда! Жарко тут больно, на берегу все доделаем…

Подхватив шкуру, чародейка быстро вывела подругу из пристройки, потом за ворота. Тут, оказавшись вне людских глаз, Устинья не выдержала и разрыдалась, уткнувшись Митаюки в плечо.

– Как же оно… Почему?! – Больше ничего разборчивого сказать не смогла, сотрясаясь от всхлипов. – К-как?

– Нет-нет, милая… – обняла подругу ведьмочка. – Не убивайся ты так! Ну дуры они, дуры! Чего не придет в голову по малолетству? Пойдем, пойдем к морю. Там ветер соленый, там чайки крикливые. Ветер слезы осушит, чайки плач заглушат. Вместо тебя пусть море плачет, вместо тебя пусть чайки кричат… Ну, полегче? Пойдем, пойдем. Ты посидишь, я тебе сапожок дошью. Пойдем…

Митаюки довела Устинью до самой полосы прибоя, посадила на камень, сама опустилась на гравий, стала раскладывать кожи и инструменты. Казачка все еще продолжала всхлипывать, не в силах сдержаться от обиды и нахлынувших воспоминаний:

– Кто же сказал им такое?!

– Чего только люди про сие не сочиняют, всего не перечислишь, – отмахнулась Митаюки. – Ты, вон, вспомни, что за идолы в храмах воинов стоят! Там уж и вообще… Слов нет. Ну и про людоедов вот тоже всякого придумали…

– Господи, как же мне теперь!

– Маюни ведь все знает? – подняла на нее глаза ведьмочка. – Знает и любит все равно, души в тебе не чает. Так чего беспокоишься? Главное, что желанна, обожаема, что есть опереться на кого. А эти дуры… Забудь! Не вечно же тебе в остроге куковать. На новое место переедешь, там никто и не узнает, и не услышит. Будешь… Как это у русских называется? Бо-я-рыня!

– Да какая из меня боярыня, – тяжко вздохнула казачка. – Разве в купчихи выбиться… Так и то с пустыми руками не выйдет. А в холопки продаваться поздно.

– Маюни долю свою в добыче имеет, – напомнила Митаюки. – Маюни любит тебя без памяти, он не предаст. Быть тебе купчихой!

– Никого мне не надо… – опять горько сглотнула Устинья. – Никого более не хочу. В монахини подамся. Постриг приму.

– Теперь шнурки затянем, – не стала вдаваться в незнакомую тему ведьмочка. – Ты посмотри, как сидят! Любо-дорого посмотреть. Маюни от ножек твоих ныне и вовсе взгляда отвести не сможет. Вставай! Ну, как?

Казачка встала с камня, притопнула ногой:

– Руки у тебя золотые, Митаюки! Такой справной обувки и чеботарь городской не сошьет!

– Так хорошему человеку завсегда от души все делается! А от души плохо не скроить.

Довольная Устинья, еще заплаканная, но уже почти успокоившись, обняла ведьмочку, крепко расцеловала:

– Сам бог мне тебя послал, Митаюки! Прямо не знаю, как бы я сама.

– Ты давай, ныне ночью ко мне в башню спать приходи, – позвала казачку Митаюки. – Все едино мужья наши в походе, чего одним мерзнуть? Вместе и теплее выйдет, и поболтаем перед сном… А сапожки-то ты пока сними! Бо кожу тонкую на подошве продерешь. Мы туда вечером несколько слоев на казеин рыбий приклеим, а по краешку пришьем. Тогда уж в обновке и гуляй!

– Да-да, сейчас! – села обратно Устинья. – Так хорошо сидят, снимать жалко!

Она наконец-то улыбнулась. Сняла тонкие и мягкие сапожки с верхней, по обычаю сир-тя, шнуровкой, отдала чародейке, натянула свои истрепанные поршни. Подруги, взявшись за руки, отправились к острогу.

За воротами их встретили десятки глаз – облик Устиньи манил невольниц сир-тя, словно магнит. И мало того, что пялились – так ведь еще и хихикали в кулаки!

Казачка сразу потускнела лицом, но Митаюки прикрикнула на полонянок на их языке:

– Нечего к Устинье с вопросами приставать! Не принято у русских о достоинстве мужском с незнакомыми болтать! Хотите узнать чего, к Насте идите, подруге иноземки сей, али к Аврааме, али к иным девам белокожим. Может, она им чего по дружбе старой поведала? А Устинью не троньте, она моя!

Девки сир-тя потупили глаза, однако меж собой продолжали переглядываться и ухмыляться. Хотя на этот раз молодая ведьма навевала на них не веселье, а любопытство.

– Что?! – с тревогой спросила казачка.

– Отчитала я их, дурочек, – обняла Устинью чародейка. – Больше приставать не будут. Не пойму токмо, откуда они про связь твою с менквами проведали? Кто знал о беде твоей?

Казачка прикусила губу…

Понятно, что знали о давнишнем ее позоре лишь старые, верные подруги. Ну, и Митаюки, может, слышала – она в ватаге уже скоро как год. Но Митаюки, подруга лучшая, так жестоко насмехнуться не могла. Да и зачем ей это? Чтобы теперь самой же утешать? Выходит – кто-то из старых подружечек предал.

Мысли Устиньи погрузились в круговорот предположений: кто мог проболтаться? Почему, зачем? А заботливая ведьмочка, усадив казачку в темный уголок под навесом, погладила ее ладонями по коленям:

– Ты сиди, забудь про все… Я тебе сейчас попить принесу, отвара ягодного. Он с кислинкой, взбодрит.

Для ягодного отвара у Митаюки уже были приготовлены бутончики лимонника, листья зверобоя, ломтик корня жизни: травы все сильные и бодрящие, наводящие тревожность почище любых вопросов.

– Десять дней, – прошептала себе под нос юная ведьма, высыпая зелье в горячий ягодный отвар, в кислом вкусе которого любые добавки растворятся без малейшего следа. – Успею с легкостью. Без порчи и заговоров управлюсь, никакой бубен не спасет…

* * *

Охотников дождь застал уже далеко от берега, на полпути к зарослям кустарника.

– До завтра затянется, – принюхавшись и покрутив головой, уверенно заявил Маюни. – Токмо хуже дальше будет. Укрываться надобно, да-а…

Силантий почесал в затылке, но спорить с остяком не стал. Что за смысл следопыта таскать, коли советам его не веришь?

– Привал, – махнул десятник рукой. – Ставьте чумы, зелье и пищали укрывайте, дабы не отмокло!

Казаки бросили волокуши, быстро их разобрали, благо все было на коже да на завязках. Слеги тут же составили в круг, связав верхушки, поверх натянули куски кож черепицей, подвязывая одни только уголки, и через час среди кустарника стоял просторный чум, в котором полтора десятка человек разместились без особого труда. Костра, правда, развести было негде.. Ну да в тесноте и надышать недолго. Тем паче намокнуть никто толком не успел, сушиться не требовалось. А что до еды – то вяленую рыбу и так пожевать можно, не отваривая.

Едва люди спрятались в нехитром походном доме – снаружи зашумело, зашелестело, по шкурам весомо заструились капли.

– Эка мы попали! – забеспокоился Силантий. – Ливень серьезный зарядил. Под таким не поохотишься.

– Вечер польет, ночь польет, день польет. Вечером кончится, да-а… – Маюни пристроил бубен к стене, вытянулся во весь рост на подстилке, готовясь к ожиданию.

– Все следы ливнем смоет, зверя не найдем.

– Не, за товлынгами такая просека остается, ничем не скрыть, да-а… Разве токмо к лету новому зарастает, – успокоил его следопыт. – Они же не просто траву да листья щиплют, прямо с ветками, целиком кусты сжирают. Пока еще после этого новые вытянутся! Так что, воевода, как найдем просеку широкую средь куста, на которой молодая поросль еще не поднялась, то верный знак будет, что товлынги недавно кормились. По просеке повернем и к зверю вскорости выйдем.

– И скоро? – хмуро поинтересовался Матвей Серьга, вытирая кулеврину.

– То уж как повезет, да-а… Может, через день. Может, и через десять.

– Десять туда, десять обратно, – сразу посчитал казак. – Да еще груженые. Одного слона волосатого, даже если на всех раскидать, по паре пудов мяса каждому на горб придется. Намаемся… Верно, не десять дней, а все пятнадцать на обратный путь класть надобно.

– Ты, никак, уже по зазнобе своей соскучился? – хмыкнул Семенко Волк. – По Митаюки-женушке!

– Ну-ка, помолчи! – вскинул палец Силантий. – Матвей верно сказывает. Коли на каждого товлынга по месяцу тратить, мы мясом и шкурами никогда не запасемся. Пока ледник наполним, уже и весна настанет. На что по весне припасы? Там уже и корюшка пойдет, и щука проснется, и семга загуляет. Жри от пуза да жизни радуйся!

– Так что же, не охотиться теперь, десятник? – не понял его Семенко.

– Брать зверя надобно, – задумчиво ответил казак. – Но хорошо бы здесь, у берега. Дабы мясо и шкуры до ладьи таскать ближе.

– Как же его сюда, к берегу, подманить? «Гули-гули-гули» позвать, они и прибегут?

– На «гули-гули», мыслю, не откликнутся, – подал голос Ухтымка. – А коли спугнуть чем, то могут и прибежать. Маюни, товлынги чего боятся?

– Да чего им бояться, махинам таким? – пожал плечами остяк. – Ну, разве менквов. Людоеды на них ведь охотятся, камнями и кольями забивают, да-а… Менквы сильные, они могут.

– А огня боятся?

– Кто его знает? Может статься, и боятся, да-а… Токмо гореть тут нечему. Кусты да болота. Сырое все, да-а… И захочешь, не запалишь.

– Стало быть, нужно менквами прикинуться, – сделал вывод Матвей.

– Ух ты! А как? – спросил Ухтымка.

– Маюни, как? – повернул голову к следопыту Серьга.

– Да-а… – задумался молодой остяк. – Мыслю, надобно стойбище какое найти да подстилки их вонючие вытащить. Неподалеку от товлыгов развернуть, водой попрыскать… Да-а… Запах пойдет, опасаться звери начнут. Голову хорошо бы людоедскую раздобыть да над кустами показывать. Манеру их охоты повторить да крики. Товлынги умные. Коли у них на глазах менквы сородичей убивали, стало быть, из опасного места уйдут, гибели ждать не станут.

– Сие уже дело, – задумчиво огладил бороду Силантий. – Коли товлынгов к берегу подогнать да там свалить с десяток, то и ледник забьем под завязку, и таскать недалече выйдет. Вот только как найти их, менквов этих мерзких?

– Они сами нас найдут, коли товлынгов выследим, – пожал плечами Маюни. – Менквы ведь тоже по следам слонов волосатых ходят. Но пуще всего мозг человеческий высасывать обожают. Как нас заметят, обязательно забить и сожрать попытаются, про товлынгов забудут.

– Это хорошо, это славно, – тем же задумчивым тоном ответил десятник. – Будем надеяться, что сыщут.

– Оба-на! – изумленно воскликнул Матвей, закончивший обхаживать пушки и развязавший заплечный мешок. – Сиги! Жирные… Не иначе, жена озаботилась. Вечно она обо мне переживает, ровно о дите малом. Ну что, мужики, порежем?

Соленое не вяленое, жуется легко. А кому запить хочется, так можно наружу ковш выставить. Там такой ливень, враз до краев полный будет.

Ночь прошла спокойно, под мерный шелест дождя, разогнавшего по норам всех обитателей бескрайней, поросшей кустарником равнины. По этой причине Силантий даже караульных выставлять не стал. Кого в такую погоду на охоту понесет? Наверняка и колдуны на ящерах летучих дома у очагов греются, и менквы в своих костяных чумах сохнут, да и волчатники где-нибудь под корнями зарылись и солнца ждут. В такую погоду токмо ратные люди, бывает, в набеги ходят, дабы врасплох недруга застать. Да и то редко, по большой нужде. Но здесь не война, здесь охота. Нет иных воинов в зарослях, кроме самих казаков.

На рассвете ненадолго развиднелось, и Маюни вылез из чума, стал ходить кругами, слегка приплясывая и стуча в бубен. Но очень скоро вернулся назад и огорченно сообщил:

– Не, не слышит меня старый мудрый Ыттыргын, не его здесь земли. И Нум-Торун не слышит, не отзывается. Совсем чужой я тут, не верят мне духи. Ждать надо. Опять дождь будет. Остановить не получается, да-а… – Молодой шаман забрался на свое ложе и вытянулся на животе, закрыв глаза. А вскоре опять послышался шелест капель по коже собранного из кусочков полога.

Изменить погоду остяк не смог, но хоть с предсказанием не ошибся. Новое утро оказалось ярким, солнечным. Лучи били в южную стену чума с такой силой, что внутри стало жарко, как у костра, а сам полог высох в считаные часы. Воздух над зарослями поднимался влажный, парной и ощущался столь густым – в пору ножом резать. Следопыт засуетился, забегал, выискивая возвышенности, пока наконец не обнаружил одинокий валун и не забрался на него. Немного попрыгав, следопыт вытянул руку:

– Вижу! Там, верстах в пяти! Туда надобно идти!

– А чего там такого? – спросил рябой и лохматый Кудеяр Ручеек, оставивший где-то свою шапку.

– Туман поднимается.

– Ну и что? – не понял молодой казак, возрастом всего года на четыре старше следопыта.

– Видишь, кусты нигде не парят? – развел руками Маюни. – Ветки лучи принимают, внизу тень. А коли туман, стало быть, земля от солнца согрелась. Раз греется, выходит, кустов-то нет, съел кто-то. А кто кусты сожрать в здешних местах холодных может?

– А-а-а… – зачесал в затылке молодой казак.

– Маюни, Кудеяр, Семенко! Вперед ступайте, следы искать, – распорядился Силантий. – А мы, как свернемся, следом двинем. Коли ошибетесь, место для нового лагеря ищите и вестника навстречу отправьте.

Но следопыт не промахнулся. Продравшись за два часа на три версты через густой кустарник, казаки внезапно выбрались на широкую открытую поляну, сплошь из низких, в три ладони, ивовых пеньков с относительно свежими сломами. Поляна имела ширину сажен в триста, а в длину уходила в обе стороны чуть ли не до горизонта.

– Куда теперь? – опустив волокушу, спросил первым выбравшийся на прогалину Матвей.

– Должны были метку оставить, – в задумчивости пошел по кругу Силантий. – О, есть! Нашел!

На земле, складываясь в стрелку, лежало несколько свежесрезанных стволиков, указывающих на юг. Охотники повернули туда. Идти стало намного легче, прямо как по проселочной дороге. Если бы не огромные лепешки, лежащие тут и там, так можно было бы и под ноги не смотреть.

Незадолго до сумерек охотники вышли к ручью, перед которым сотоварищей дожидались следопыт и приданные ему в помощь молодые казаки, успевшие собрать окрест сухостой, где какой был, и развести огонь. Так что путников ждал пряный, чуть сладковатый отвар из каких-то найденных остяком трав и горячий костер.

– Не рано остановились? – указал на светлое еще небо Силантий.

– Нет, воевода, – покачал головой Маюни, негромко постукивающий в бубен. После каждого удара он подносил шаманское наследие предков к уху и внимательно слушал. Прямо как совета от натянутой кожи дожидался. – Нет, воевода. Товлынг идет медленно. Он кушает, он кусты скусывает али рвет. Сует в рот, жует долго-долго, снова рвет, опять кушает. Опосля шажок делает и снова скусывает. Медленно идет товлынг. Верста в день – хорошо, да-а… Две версты – прямо бег получается. Куда ему спешить? Вода везде есть, еда везде есть. Спокойно ему, хорошо. Мы за день и десять верст пробежим. Надо, и двадцать сможем. Завтра не догоним, послезавтра настигнем. Да-а… Нет, так на третий день уж точно. Коли тропу нашли, теперича товлынг не уйдет. Спешить станешь, токмо устанешь понапрасну, много не выиграешь, да-а…

– Это тебе предки говорят? – хмыкнул племянник Силантия, юный казак Кудеяр, подбрасывая в огонь еще хвороста.

– Предки мудры, предков слушать надобно, да-а… – негромко нашептал в самый бубен остяк. – Кто тебя всему научил, как не предки, воин Ручеек? Их память – твоя память. Их мудрость – твоя мудрость. Забудешь предков, кем станешь? Ай, тогда и менквы тебя умишком своим превзойдут.

– Что твои предки говорят о дожде, Маюни? – спросил следопыта Силантий.

– Сказывают духи, не будет сегодня дождя. И завтра не случится. Третьего дня обещают. Однако же небольшой. Как вчера.

– Ну, коли духи не обманут, свечку им поставлю, – усмехнулся Кудеяр Ручеек.

– Они будут благодарны, – согласно кивнул молодой шаман. – Духам любое внимание приятно.

– Коли дождя не будет, тогда на чум времени тратить не станем, – решил Силантий. – На воздухе поспим. Кудеяр, Силантий! Вы сегодня налегке гуляли, вам дежурить. Остальным ужинать и спать.

Следопыт оказался прав – через день, где-то около полудня, охотники различили впереди величавых мохнатых гигантов, пасущихся в зарослях кустарника. Спешить, догонять их ватажники не стали, остановились на отдых. Пока большинство казаков раскладывали вещи, Маюни, Семенко, Ручеек и Матвей подались в кустарник, нарезали гибких ивовых веток и наскоро, грубо, сплели некие подобия корзин: с такими щелями, что кулак меж веток просунуть можно, плоские и кривоватые. Но главное – размером примерно в половину человеческого роста. Поставленные на тюки и волокуши, укутанные в плащи и шкуры, с насаженными сверху шапками и даже шлемом, они даже вблизи напоминали присевших отдохнуть путников.

Подготовив лагерь, казаки развели огонь, бросили туда подгнивший ствол – обычная ошибка неопытного кострового – и отступили в заросли, залегли там, подкрепляясь вяленой рыбой. Остяк уверил, что ее запах ничего не изменит. От костра с сырыми дровами такая вонь потянется, что остального звери уже не различат. К небу же от стоянки уже шла тонкая сизая дымная струйка.

В тишине и покое многие сытые воины вскоре закемарили. Тем паче что на прогалине все равно ничего не происходило. Следопыт, стараясь не шуметь, пару раз выбирался из своего укрытия, добавлял в очаг хворост, не давая огню погаснуть. И во второй раз опять уронил на угли гнилушку.

– Полагаешь, придут? – тихо спросил его Силантий, когда стало смеркаться.

– Коли есть окрест, явятся обязательно, – прошептал Маюни. – То ведь их стадо, их охотничьи угодья. Как можно не проверить, что за чужаки появились? Может статься, уже пришли даже, да-а… Издалека глянули и ныне судьбу нашу решают… Да-а…

– Поглядывай пока. После полуночи меня разбуди. Коли чего померещится, шум не поднимай, толкни токмо казаков ближних тихонько.

– Не беспокойся, воевода, не сглуплю, – пообещал остяк.

В ночи ветер стих. С неба над головой остро поблескивали звезды, между корней кустарника еле слышно шуршала какая-то мелкая живность, издалека напевно перекрикивались жабы… Которых вроде как по сезону быть давно не должно.

Впрочем, в землях вокруг колдовского солнца многие законы природы путались и переплетались, и время, которое люди считали поздней осенью, для жаб, возможно, казалось очень ранней весной.

В установившейся тиши звуки разлетались невероятно далеко, и даже здесь, с расстояния в несколько верст, можно было различить мерное пыхтение товлынгов, спящих стоя и даже во сне мерно работающих челюстями. А кроме того, слуху становились доступны неразличимые в дневном шуме мягкие шелестящие движения существ, простым смертным невидимых и неощутимых. Однако Маюни был потомственным шаманом и потому присутствие духов замечал, иногда даже различая во мраке белесые облачка, скользящие то над спящими людьми, то вокруг гаснущего костра, возле мертвых фигур из тряпья и шкур.

Больше всего ему сейчас хотелось взять свой бубен, ударить по натянутой коже, испещренной рунами и магическими знаками, донести свой голос до здешних духов, уверить их в своей дружбе, пообещать жертву, испросить совета и помощи…

– Иду-ут… – явственно услышал он из ветвей кустарника. – Бли-изко-о…

Непонятно, предупреждали духи шамана о грядущей опасности или говорили между собой, однако Маюни встрепенулся, насторожился, приподнял голову, оглядываясь и прислушиваясь.

На выеденной мохнатыми слонами прогалине, однако, было тихо и спокойно. Там, на открытом месте, даже света звезд вполне хватало, чтобы заметить любое, даже самое слабое движение.

«Может, еще пару дровин подбросить?» – подумал остяк, приподнимаясь на локтях. И тут – услышал! Слева от спящих казаков, с северной стороны лагеря, протяжно зашелестели ветки. Кто-то очень осторожно, медленно, не ломая кустарника, не наступая на шелестящие травяные кочки, не издавая звуков и почти не дыша, пробирался через ивняк. Это был хороший охотник – днем бы, на ветру, среди криков птиц и чавканья товлынгов его было бы и вовсе не услышать.

Но сейчас…

«Не дураки менквы, открыто по прогалине не пошли. Боялись, что заметят… – сообразил остяк. – Через заросли подбираются…»

Он протянул руку, положил Силантию на рот. Казацкий воевода открыл глаза, кивнул, давая знать, что понял предупреждение. Маюни указал пальцем на север. Силантий удивленно приподнял брови: похоже, ничего не слышал. Тогда остяк пальцами показал, что кто-то идет, и снова ткнул пальцем на север. Теперь Силантий кивнул, опустил руку к сабле – и прикусил губу, не зная, что делать. Поднять тревогу – враг услышит и поймет, что его заметили. Не поднимать – тогда как приготовиться к схватке?

Между тем менквы приближались, причем довольно быстро. Судя по всему, они мыслили точно так же, как люди, собираясь неожиданно выскочить из кустарника на стоянку и перебить застигнутого врасплох врага. И точно так же, как люди, для нападения выбрали ближайшие к костру заросли.

Силантий, дотянувшись до Кудеяра, зажал ему рот. Тот проснулся, замычал. Воевода, сделав круглые глаза, погрозил ему кулаком. Шелест среди кустарника затих – менквы затаились. Паренек тоже замолк.

Стало ясно, что будить сотоварищей нельзя: зашумят спросонок. А ночь тиха, далеко каждый звук разносится.

Людоеды, выждав, снова зашелестели ветвями. Вестимо – решили, что спросонок кто-то бормотал. До них оставалось всего ничего, шагов двадцать.

– Не оставьте меня своей милостью, духи земли и леса, – еле слышно, себе под нос пробормотал Маюни и крепко сжал рукоять лежащего рядом топорика.

Еще чуть-чуть, несколько мгновений… Людоеды вдруг дружно взревели, с громким хаканьем метнули камни, ловко и точно сбивая ими с мест скучающие возле костра чучела, – и ринулись вперед, размахивая дубинами… Прямо по спящим казакам и побежали!

Маюни от вонючей волосатой ноги отклонился, вскочил – с размаху врезал топориком на длинной рукояти менкву по затылку. Выдернуть не успел – бегущий следом людоед врезался в него и сбил с ног, свалившись сверху сам. Гневно зарычал, вцепился зубами в горло, чуть промахнувшись и сдавив ключицу прямо сквозь толстую меховую малицу. Остяк выдернул нож и что есть силы всадил его врагу чуть ниже уха. На лицо паренька хлынула кровь, менкв обмяк… И остался лежать, прижимая Маюни к земле тяжеленной, неподъемной тушей.

Неизвестно, кому оказалось хуже в этой короткой ночной схватке: казакам, проснувшимся от того, что им на ноги, головы, на руки или спины наступил кто-то из злобно ревущих людоедов – или самим людоедам, перед которыми враги выросли внезапно, прямо из-под земли, сразу начиная колоть саблями и рубить топорами. Похоже, что все-таки волосатым зверолюдям – ибо было их чуть больше десятка, и полегли все чуть ли не в один миг, не успев причинить охотникам никакого вреда. Синяки и ушибы да пара сломанных ребер, понятно, не счет.

Растащив тела и освободив следопыта, укладываться воины уже не стали. Разожгли костер, вскипятили воды, заварив в котелке несколько горстей сушеного мяса с солью и пряностями, перекусили – а там уже и небо посветлело.

Маюни, в охрану которого Силантий выделил четырех казаков, сразу ушел по следам зверолюдей. Много света для этого не требовалось, как ни осторожно пробирались менквы, однако проход в кустарнике они промяли изрядный. Примерно с полверсты следопыт и воины шли на север, там тропа повернула на оставшуюся за товлынгами прогалину, пересекла ее и по другую сторону снова врезалась в ивняк. Тут людоеды особо не таились, ветки не раздвигали, а ломали и топтали. По широкой дуге обогнув казачью стоянку, они неожиданно вышли на застарелую, хорошо натоптанную тропу.

Здесь остяк повернул на восток, в сторону от стада мохнатых слонов и оказался прав. Уже через версту люди оказались на берегу прозрачного, весело журчащего ручья, на поляне у которого стоял крытый шкурами товлынгов овальный чум.

– Охотничья стоянка, – с первого взгляда определил Маюни. – Хозяйства никакого нет, следов детских тоже. Вестимо, токмо за добычей сюда приходят. Чего добывают, тем отъедаются, а опосля на главное стойбище остатки уносят.

– Хочешь сказать, нет тут больше никого из людоедов? – уточнил Кудеяр.

– Не, нету, – мотнул головой молодой шаман. – Сюда надобно перебираться. Сами видите, место удобное.

Силантий следопыта, известно, слушался, доверял. Утвердительно махнул рукой – и к полудню люди перенесли вещи на стоянку уничтоженного врага и сами тоже перебрались, прихватив с собой несколько отрезанных голов и грубо скроенных туник зверолюдей. К этому времени небо стало затягиваться, а вскоре заплакало мелким холодным дождем. Однако добротный чум менквов, сделанный с прицелом на многие сезоны вперед, был намного больше походного дома казаков, имел место для очага и даже запас дров, так что охотники устроились с удобствами.

– Твои духи оказались правы насчет дождя, остяк, – кивнул Силантий. – Надеюсь, не ошиблись и с тем, что завтра он кончится.

– Духи никогда не ошибаются! – весомо ответил Маюни. – Но я спрошу у них еще раз.

Вскоре из чума послышался заунывный гул бубна, к которому вскоре присоединились голоса казаков, затянувших однотонную походную песню.

– Вы казачки-казачки, военнаи лю-юди… Военнаи лю-юди, никто вас не лю-юбит… Военнаи люди, никто вас не лю-юбит… О-о-ой… Полюбила казачка варшавочка-бабочка… Полюбила казачка варшавочка-бабочка… О-о-ой… Взяла его за рученьку, повела в камо-ору… Взяла его за рученьку, повела в камо-ору…

Чего еще делать, скучая на стоянке, кроме как не петь?

Дождь становился все сильнее и сильнее, к ночи превратившись в натуральный потоп. Однако воды на небесах оказалось не так много, чтобы лить как из ведра, и еще до полуночи опять превратился в слабую морось. Впрочем, и ночью, и на следующий день духи сделали еще несколько попыток затопить землю – однако же теперь их усилий хватало совсем ненадолго, на четверть часа самое большее. А к вечеру и вовсе сдались, забрав тучи с неба.

Дальше, наконец, началась сама охота. Но не обычная, с подкрадыванием и точными выстрелами по приглянувшемуся зверю.

Перво-наперво следопыт, собрав самые старые из подстилок в чуме, намочил их и, завернув в шкуру, долго грел на углях, запаривая, а заодно добавляя вони от жженой шерсти. Казаки тем временем насадили людоедовы головы на копья, нашли несколько камней, срубили пару осинок, на ветки которых развесили туники менквов, тоже попрыскав на них для запаха водой.

И началось…

* * *

Стадо старого Горбача было большим, многим другим вожакам на зависть. Горбач был мудр, опытен, осторожен, и потому при встречах с другими стадами товлынгов самки гораздо чаще прибивались к его роду, нежели от него уходили к другим. Три десятка жен ходило за ним по бескрайним кустарникам земли! И еще полтора десятка молодых самцов. Совсем молодых, ибо повзрослевших детей Горбач прогонял, дабы на самок не заглядывались.

Многие из изгнанников потом, конечно, пропадали. Горбач даже знал как – ибо в годы своей молодости тоже был изгнан, тоже скитался в одиночестве и не раз видел, как мохнатые твари большой толпой набрасывались на его сородичей, забрасывая камнями, избивая палками, пытаясь поранить, причиняя боль…

Твари вроде как были мелкими и слабыми, самые высокие оказывались вдвое ниже ростом, даже стоя на задних ногах, – однако злоба и настойчивость брали свое. Обезумев от боли, не зная, куда скрыться, молодые товлынги начинали метаться, пытались то убежать, то затоптать врага – пока не лишались глаз под потоком камней, не попадали ногами в ямы или не напарывались на спрятанный на пути кол.

Горбача эти твари тоже пытались убить, но товлынг вовремя смог постичь самое главное из смертей сородичей: нельзя бояться боли; нельзя бежать там, где не видишь дороги; и нужно беречь глаза. Когда мохнатые твари пытались его осаждать, Горбач не убегал, а отворачивался, подставляя под удары толстый зад и неспешно, величаво отступал на открытое место. Если же видел между

собой и врагом открытое место – то сразу кидался вперед, сбивал бивнем и затаптывал. Иногда даже делал это первым, не дожидаясь, пока полетят камни.

Когда твари понимали, что сбить добычу на бег, загнать в неудобное место или заманить на спрятанный кол не получается – они обычно отставали, искали кого поглупее, менее опытного. А после того как число затоптанных перевалило за десятки – стали, похоже, узнавать Горбача и сторониться.

Годы текли, товлынг рос и крепчал. Бивни его стали такими могучими и грозными, что любое дерево в зарослях Горбач мог перешибить одним ударом. На спине накопился горб размером с крупного детеныша, шерсть из сочно-рыжей стала темно-красной с крупными седыми прядями, да и сам товлынг превышал ростом мохнатых тварей уже не вдвое, а почти в три раза.

Однажды во время скитаний он встретил стадо своих сородичей. Аромат самок дразнил товлынга и манил, будя незнакомые желания. Горбач, как бывало уже много раз, поддался желанию, пошел на запах. Вожак, как бывало уже много раз, двинулся ему навстречу, чтобы прогнать, – и Горбач отвернул, не доводя до драки. Однако вскоре он обнаружил, что одна из самок повернула за ним следом.

Так началась новая жизнь Горбача. Жизнь вожака. Он умел искать сытные пастбища, он умел чувствовать приближение опасности, он не боялся тварей и умел их убивать. Он знал, как защитить своих самок и детей, – и другие товлынги словно чувствовали это, все чаще и чаще переходя в его семью.

Нет, конечно, и у Горбача случались неудачи, и от его стада мохнатым тварям тоже удавалось отбивать самок или малышей, чтобы потом замучить и сожрать, – однако это случалось намного реже, нежели у других вожаков.

Горбач умел быть осторожным и потому сразу остановился, учуяв запах паленой шерсти и прогорклого жира. Твари знались с огнем и нередко ходили с подпалинами, они жрали мясо, пачкаясь жиром, который протухал прямо на их животах. Это был тот самый запах – запах смерти, и многоопытный товлынг поднял голову, осматривая окрестности. И очень скоро заметил две головы, таящиеся среди кустов. А в стороне увидел еще одну тварь, что кралась совсем близко, всего в паре бросков.

Но как ни велик был соблазн затоптать опасного врага, Горбач не метнулся к нему через заросли – ведь там, на его пути, мог притаиться остро отточенный кол. Наоборот, он отступил, попятился, отходя на прогалину, на открытое место, готовый немедленно вступиться за крайних самок, – твари всегда стремились отбить самых дальних.

И вдруг – самый сильный, невыносимо гнусный запах гнили и жженых волос потянулся слева. И там же мелькнули головы, шкуры – чтобы тут же исчезнуть, затаиться.

Горбач решительно направился туда. Если не спешить, смотреть, куда идешь, напороться на кол невозможно. Даже если не заметишь острия – все едино шкуры оно не порвет, толкнет только, и все.

Однако стоило углубиться в кустарник – навстречу сразу с нескольких сторон полетели камни. И хотя Горбач не боялся боли, да и удары были на удивление слабыми, товлынг сразу вспомнил о главной опасности – нужно беречь глаза. Камни должны лететь в зад, а не в голову. Посему самец попятился, вышел обратно на прогалину, развернулся.

Из зарослей опять пахнуло – с одной стороны, потом с другой. Шкуры тварей проглядывали впереди, сразу в двух местах, их головы мелькали слева, что-то потрескивало вдалеке. Все это было странно, необычно. Раньше твари никогда так себя не вели. Раньше они крались, кидались на кого-то из крайних товлынгов, а если удавалось – то на малыша; закидывали камнями, били, кололи, отгоняли, заставляли бежать прочь от боли и опасности, но главное – от стада. И если Горбач не успевал, если несчастная убегала слишком далеко или сворачивала в заросли – добыча доставалась тварям. Ведь вожак не может оставлять свою семью. Побежишь спасать одного – за это время отобьют двух-трех других.

Однако в этот раз твари вели себя иначе. Неправильно. Непривычно. И их было слишком много. А все странное тревожило осторожного товлынга. Когда вокруг происходит что-то необычное – Горбач не знал, как правильно себя вести. И самое мудрое в таком случае – это просто уйти. Продолжить путь через вкусный, сытный кустарник там, где мир снова станет обычным. Таким, как всегда.

Горбач вскинул хобот и громко затрубил, подзывая к себе семью. А затем повел их по прогалине на север как можно быстрее, следя лишь за тем, чтобы не отставали самые младшие.

* * *

Егорка, атаманов сын, беспокойства матери почти не доставлял. Иногда, бывало, крепило, не без этого, иногда плакать во сне начинал. Но Настя быстро нашла палочку-выручалочку. Стоило позвать Митаюки – как та быстро веселила малыша, массировала животик, играла. Либо заваривала для Насти отвары, после которых Егор спал крепко и долго, до утра. Да и мама при этом, понятно, тоже хорошо отдыхала.

– Прямо не знаю, что бы без тебя делала, – признала Настя, когда недавняя полонянка, дикарка из леса, с помощью обычной соломинки избавила ее сына от боли в животике и вернула хорошее настроение. – Не знаю, как и отблагодарить!

– Мы же здесь все одна семья большая, – улыбнулась в ответ юная шаманка. – Помогать должны друг другу, поддерживать всячески.

– Но все же… Может, тебе чего хочется, а я не знаю.

– Да все хорошо, не беспокойся! – Чародейка передала малыша маме. И после короткой заминки поинтересовалась: – Скажи, Настя, а это ты полонянкам об Устинье рассказала?

– Ну вот, и ты туда же! – покачала головой атаманова жена, относя дитятку к колыбели. – Ничего я им не сказывала! Скорее, это они меня донимают. Знать хотят, не делилась ли Устинья удовольствием от сего богомерзкого сожительства? А по мне, так токмо грязь это и мерзость! Я помню, она из-за сего чуть руки на себя не наложила. Вон, токмо-токмо в себя приходить начала.

– А полонянки бают, ты сказывала им, со слов Устиньи, что любовь людоедов сих хоть и страшна, но сильна очень и незабываема. Такую страсть в их объятиях испытываешь, что с мужиком обычным и не повторить. Ну и достоинство у них тоже… Несравнимо…

– Навет сие, Митаюки! – отмахнулась Настя. – Не от меня о сем проведали, иной кто-то сболтнул.

– Значит, все-таки хвасталась? – поймала атаманову жену на слове юная шаманка. – Что наслаждение неописуемое, что на простого воина теперича ни за что не обменяет?

– Нет, не говорила… – Старания Митаюки, напускающей на Настю волны любопытства, сделали свое, и молодая мама слухом наконец-то заинтересовалась: – А что, правда такое… изрядное… отличие?

– Яркое… Сочное… Незабываемое… – старательно вложила в голову атаманской жены чародейка. – Да разве нам понять? То ее спрашивать надобно.

– Яркое… Незабываемое… – невольно повторила Настя. – А чего это Устинью на дворе ныне не видно? Раньше всегда либо на берегу, либо во дворе встречалась, а последние дни чего-то и не упомню.

– Я ее к себе в светелку спрятала, – ответила Митаюки. – Матвей ныне на охоте, вот и приютила. Подруги мы или нет? Дуры эти малые, из полона, совсем расспросами ее замучили. Хотят в подробностях об удовольствиях великих услышать, что женщина токмо от менква познать способна.

Это было правдой только наполовину. Полонянки сир-тя не могли донимать казачку вопросами. Просто потому, что языка в большинстве не знали. А кто и знал – того шаманка решительно отгоняла. Однако и просто косые взгляды, старательно укрываемые усмешки, а порой и откровенные жесты, которые делали девки издалека, когда надеялись, что их не заметят, – все это постоянно донимало Устинью. И на люди она теперь и вправду старалась не показываться.

Митаюки утешала казачку как могла, обнимала, утирала слезы, убаюкивала в объятиях:

– Плюнь, забудь! На меня вон посмотри. Меня тоже поначалу кто только не насиловал… Но Матвей, любовь моя, меня в жены взял, и ныне уважаема я всеми, и не припоминает никто. У тебя же Маюни есть, каковой знает все, однако же все едино любит без памяти. За ним как за каменной стеной будешь. Коли не желаешь дурочек видеть сих, так он тебя заберет, да и увезет туда, где

о вас даже духи небесные, и то ничего знать не будут. И пойми ты, подруженька моя. Девки ведь эти не смеются над тобой. Они тебе завидуют! Ибо испытать того же, что тебе довелось, никому более не дано. Вот и бесятся!

А еще шаманка отпаивала Устинью отварами. Зверобой, лимонник, корень жизни. Травки все бодрящие, любые эмоции усиливающие, нервозность повышающие. Где дикарке иноземной понять, что за вкус у отвара в ковше и как он на нее подействует? К травам же эмоции нужные добавляла. Тоски и полной безысходности, отчаяния и стыда. Хотя этого добра у казачки и у самой хватало. Внимательной Митаюки оставалось только эмоции девы ловить, усиливать, как можно, да обратно в сознание направлять. Когда человека обнимаешь, к себе прижимаешь, по голове гладишь – чувствами его играть самое милое дело…

Как ни отсиживалась Устинья в комнате башни – однако же выходить из нее приходилось. Отворачиваясь, пряча лицо, глядя себе под ноги – и все равно слыша, чувствуя усмешки. Еду и питье Митаюки последние два дня носила подруге в ее «келью» – но сходить по нужде вместо Устиньи при всем желании не могла.

Вот и в этот раз Устинья, занятая вычесыванием уже растрепанных крапивных волокон, крепилась, сколько могла. Лишь когда стало уж вовсе невмоготу, отложила работу, повязалась платком, спрятав лицо как можно глубже меж выступающими краями, спустилась вниз. Опустив голову, быстрым шагом скользнула вдоль стены, выбежала из ворот, быстрым шагом устремилась на прикрытый плетнем мысок, присела там.

Место это было проветриваемое, в прилив окатывалось волнами, а потому и запах до крепости не долетал, и убирать ничего не требовалось – море само все убирало.

Почти сразу вслед за Устиньей сюда же пришла атаманова жена Настя, устроилась неподалеку, повернувшись спиной, однако поздоровалась:

– Доброго тебе дня, Устинья! Что-то давно я тебя не видела.

– И тебе здоровья, Настя, – ответила та.

Они замолчали. Все же не лучшее место для дружеской болтовни. И в этой тишине в памяти внезапно встретившей подругу Насти сразу всплыли все те россказни, что последние дни окружали имя Устиньи. Всплыли и прочно засели, разжигая тщательно выпестованное любопытство. Вопрос-то и без того всем всегда интересный… А когда его по пять раз на дню то тут, то там поминают – трудно из головы выгнать.

И, уже вставая, молодая женщина не удержалась, повернула голову к подруге и спросила:

– Устинья… Только между нами, я никому не скажу… Нечто и вправду менквы в любви любого мужика превосходят?

Девушку словно окатило кипятком, тут же бросило в холод и снова в жар.

– Да будь ты проклята!!! – вскочила Устинья и бросилась бежать.

Молодую женщину кольнула совесть. Настя поняла, что своим безобидным вопросом задела подругу. Однако нагнать ее по понятным причинам атаманова жена не могла и пошла извиняться только через пару минут. Заглянула в башню, громко позвала:

– Устинья, ты здесь?!

– Нет ее, отлучилась, – выглянула вниз Митаюки.

– А чего, не вернулась? Вроде как раньше меня ушла.

– Откуда? – Чародейка отложила ленты вычесанного волокна, стала спускаться вниз.

– Там, на мысу встретились, – махнула рукой Настя. – Одни были. Ну, я любопытства и не сдержала. Не услышал бы ведь никто! Чего ей, трудно сказать было? Ну, сказала бы «нет!», коли слухи пустые. Или «мерзость». Я ведь подробностей не испрашивала!

– Я поищу, Настенька, не беспокойся. – Митаюки мимоходом обняла атаманову жену, вместо дружеского поцелуя коснувшись щеки щекой, торопливо пошла к воротам, а снаружи сорвалась на бег, устремившись к отмели с маленькими, отбитыми у колдунов лодками, которыми казаки почти не пользовались. Снасти проверить рыболовные, что на реке и нескольких отмелях стояли, ватажникам и одной хватало. А челнов, лодок и однодревок казаки у сир-тя уже с десяток навоевать успели.

Молодая шаманка прошла вдоль ряда посудин и быстро нашла просвет между двумя берестяными челноками. От лежащей здесь недавно лодки еще оставался след – широкая вмятина, смазанная в сторону воды. Туда, куда ее сталкивали.

– Вот дура! – раздраженно сплюнула ведьма. – С Маюни нужно было уплывать, с Маюни!!! Уговорить шаманенка бросить острог, забрать долю его и в Пустозерье переселиться! Одна-то зачем?! Теперь пропадешь. Ни тебе удовольствия, ни мне пользы… – Юная чародейка вздохнула и повернула к острогу, разочарованно махнув рукой: – Обидно-то как… Шесть дней стараний прахом пошло…

* * *

Товлынгов казаки гнали очень осторожно, стараясь слишком уж не пугать, дабы не разбежались или не умчались неведомо куда. Приносили подстилки и туники, разворачивали. Когда стадо приходило в движение – затаивались на несколько часов, чтобы потом дать себя заметить снова. И при том – держались всегда с восточной стороны. Высокий, как скала, и седовласый, подобно ледяному торосу, вожак трижды отводил свое стадо от опасности, а когда неприятные запахи перестали-таки его беспокоить – повернул на запад, прокладывая новую просеку точно в направлении далекого пока еще острога.

Казаки на время затаились, дабы не спугнуть, после чего Маюни и семеро казаков остались присматривать за зверьми, а остальные, во главе с Силантием и Матвеем, собрали снаряжение, обогнули мохнатых слонов через заросли далеко стороной и вышли к месту самой первой стоянки, в полупереходе от берега. Зарядили пищали, кулеврины – и стали ждать.

Оголодавшие за время бегства товлынги на новом месте стали отъедаться куда жаднее, чем ранее, проходя за день не версту, а целых две, а то и более. За четыре дня они дошли почти до самой засады, и тут вожак то ли ощутил

неладное, то ли ему не понравился запах близкого моря – но стадо стало все сильнее и сильнее забирать влево, к югу.

Пришлось охотникам бросать все и с двумя только кулевринами пробираться наперерез. Пушки весили по пять пудов каждая, быстро не побегаешь. Да еще через густые кустарники.

– Ладно, стой! – задыхаясь, дал отмашку Матвей Серьга, когда до стада оставалось всего с полверсты. – Мы так, бегая, токмо ноги переломаем. Отсель будем стрелять. Снимай стволы, складывай слеги!

– А не далеко? – с недоверием спросил Силантий.

– В муху не попаду. Да токмо товлынги сии не мухи. Одна башка с лошадиную задницу.

Казаки споро разобрали волокуши. Две жердины положили поперек, чтобы поднять кулеврину на нужную для выстрела высоту. Две сверху – вдоль, чтобы упирались в землю. А то ведь у кулеврины отдача такая, что и четверых с ног собьет. Силантий запалил фитиль, Матвей зацепил ствол опорным гаком[1 - Г а к – самое древнее противооткатное устройство. На многих первых «огнестрелах» снизу под стволом мастера делали штырь или крюк, «гак». Этим гаком перед выстрелом воин цеплялся за край стены, борт, балку – и отдача передавалась на выбранную опору. Отсюда и название «гаковница»: ствол с гаком.] за торцы слег:

– Поднимай!

Казаки, взявшись за концы поперечных жердин, вскинули оружие на высоту человеческого роста. Отсюда, среди качающихся макушек густого ивняка, уже хорошо различались пасущиеся вдалеке огромные животные. Серьга встал за стволом. Прищурившись, нацелился по кулеврине в лоб жующего ветви товлынга, а затем, прикинув расстояние, точно так же, на глазок, из опыта, опустил казенник, придавая нужное возвышение.

– Поджигай!

Силантий тут же ткнул фитилем в запальное отверстие. Оглушительно жахнул выстрел, над кустарниками растеклось белое облако. Отдача зарыла торцы жердин на половину локтя в мшистый галечный грунт, заставила казаков покачнуться – но, в общем, самодельный лафет испытание сдюжил.

– Силантий! Помогай… – Горячий дымящийся ствол Матвей скинул на землю сам, вдвоем с сотоварищем они подняли на его место второй, заряженный, и Серьга опять припал к прицелу, вылавливая кончиком кулеврины голову другого товлынга. Облизнул от старательности губы, кивнул: – Пали!

Новый выстрел снова плюнул дымом, у казаков заложило уши – а Матвей уже стоял на коленях перед первой пушкой, торопливо пробанивая ствол от тлеющих остатков заряда, засыпал туда новую порцию огненного зелья, пробил пыжом до упора, закатил ядро, закрепил вторым пыжом, добавил порох в запальное отверстие.

– Силантий, помогай!

Вдвоем они закинули пушку на слеги, Матвей рванул ее к себе, надежно цепляя гаком за край, навел в цель…

– Поджигай!

Третий выстрел… Четвертый… Пятый… Облако над кустарником становилось все гуще и гуще. И хотя теперь, из-за перезарядки, между выстрелами проходило довольно много времени, развеять дым полностью ветер не успевал. Однако многоопытный Серьга каким-то шестым чувством все же угадывал цель и наводил на нее свое тяжеленное оружие:

– Есть, пали!

Силантий подскочил, ткнул фитилем в запальник – и оглушительный выстрел слился с не менее громким треском. Обе слеги, принимающие отдачу, переломились: одна пополам, а вторая и вовсе расщепилась вдоль, превратившись в верхней части в настоящие лохмотья.

– Кажется, отстрелялись, – сделал вывод десятник. – Что же, на все божья воля. Пошли посмотрим, какую меру добычи всевышний нам ныне определил?

* * *

Услышав гром, Горбач ничуть не испугался. Гроз в своей жизни он повидал несчитано, и еще ни разу ничего опасного при сем не случалось. Странным было лишь то, что небо загрохотало при ясной погоде. Обычно гром сопровождался дождем, причем проливным. Посему могучий вожак поднял голову и тут же услышал упругий до болезненности звук снова. А еще он заметил появившееся среди кустов белое облако… Но было оно настолько далеко, что беспокоиться не стоило. Что бы это ни было – его семье оно навредить не способно.

Тут Горбача отвлекло куда более важное событие: Рыжана, самая первая его подруга, вдруг упала и перестала шевелиться. А потом рядом с нею рухнула возмужавшая Травница. Вожак приблизился и с удивлением увидел у обеих на голове кровавые пятна. Это было странно, ибо товлынги иногда слабели и умирали – увы, с этим приходилось мириться. Но они никогда не истекали кровью. Кровью истекают от ран!

Внезапно жалобно заскулила Зеленуха, качнулась, сделала несколько шагов в сторону и свалилась в кустарник. И тоже – на ее голове появилось кровавое пятно. Это было странно, непонятно. Такого мудрый Горбач еще никогда не видел.

Послышался грохот – и с ног повалилась еще одна из его подруг.

У Горбача зародилось подозрение, что грохот и смерть как-то связаны, но… Но размышлять над этим было некогда. Если где-то случается что-то опасное – это место нужно скорее покидать, а не тратить время на долгие думы. Вожак тревожно затрубил и повернул по просеке прочь. Над кустарником прокатился новый оглушительный гром – и еще одна самка, резко остановившись, закачалась, припала на передние ноги, потом на задние, свалилась на бок.

Горбач перешел на мерный бег. Прочь, прочь из этого места! Виноват во всем, похоже, гром… Но все равно – прочь! Ибо нигде более ничего похожего не происходит.

* * *

Продравшись через кустарник к проеденной волосатыми слонами просеке, казаки покачали головой от восхищения:

– Ну, ты даешь, Матвей! Глаз-алмаз. Шесть выстрелов, шесть туш! Да еще через дым!

– Ух ты! А самый большой, однако, ушел, – не удержался от попрека Ухтымка.

– Старый он, – скривился Серьга. – Мясо жесткое.

Оправдывался он так или вправду специально по вожаку стрелять не стал, никто не понял. Во всяком случае, на лице казака не дрогнул ни один мускул.

– Так, хватит стоять! – спохватился Силантий. – Не для того мясо добывали, чтобы оно тут затухло. Давайте быстро свежевать, резать и к стругам таскать. На шесть туш нашего запаса соли не хватит, так что еще сегодня до ночи все на леднике быть должно! Шевелись, шевелись, служивые! Не простаиваем!

* * *

Пушечный выстрел расслышали даже в остроге. Скучающий в дозоре на прибрежной башне Василий Бескарманный сразу повернул голову на звук, подобрался, подтянул прислоненную к зубцу рогатину. А когда хлопнул второй выстрел, смог различить даже далекий дымок. Перебежав башню, он заложил пальцы в рот и залихватски свистнул, крикнул во двор:

– Эй, бабоньки, атамана кличьте! Неладное что-то на берегу.

Впрочем, разбойничий посвист был слышен во всех уголках острова, и воевода Иван Егоров в сопровождении неизменного немца сам поднялся из подклети, увидел призывный взмах караульного, быстро взметнулся наверх, отрывисто потребовал:

– Сказывай!

– Вон, пелена у горизонта над кустами, видите?

– Вроде как туман какой-то стелется… – пожал плечами Ганс Штраубе.

И тут, как по заказу, над кустарником появился очередной плотный белесый клуб, а спустя некоторое время докатился и гром пушечного выстрела.

– Святая Бригитта, неужели еще ватага какая сюда забрела? – перекрестился рукоятью стилета немец.

– Или охотники наши зверя бьют, – куда более спокойно поправил его атаман.

– Из пушек? На каждой перезарядке? – С берега докатился еще один выстрел, и Штраубе вскинул палец: – О, слыхал? Как от татарской кавалерии отбиваются!

– Проверить в любом случае не помешает, – кивнул Егоров. – Собирай всех свободных казаков и туда отправляйся.

– Слушаю, атаман! – Немец с грохотом скатился вниз по ступеням.

– Ганс!!! – спохватившись, крикнул ему вслед воевода, но сотник его уже не услышал. Атаман подумал и махнул рукой: – Ладно, сам припасы наверх подниму. Там лишние клинки будут нужнее.

Вскоре два струга, полные вооруженных людей, отвалили от острова. А атаман, готовясь к возможной обороне, прошелся по башням и поднял наверх, к караульным, бочонки с зельем и жребием к кулевринам и по паре пищалей. Караульных на это отвлекать не полагалось. Караульный за подступами к стенам наблюдать обязан, а не оружие тягать.

Теперь, когда в остроге имелись в достатке и порох, и пули, за укрепление воевода особо не волновался. Тем крепости и хороши, что их даже несколько человек способны супротив тысяч оборонить. Куда больше Ивана Егорова беспокоило возможное появление других охотников за колдовским золотом. Ни ему самому, ни его ватажникам делиться добычей очень не хотелось.

В неизвестности, с готовыми к бою пищалями и кулевринами острог провел несколько тревожных часов – а потом к берегу стали подваливать тяжело груженные струги, кровавые от свежего парного мяса.

– Открывай подклети, хозяева! – закричали усталые, но веселые казаки, спрыгивая на пляж и выволакивая свои корабли. – Корзины для добра тащи да бочонки с солью выкатывай!

На острове закипела работа, в которую пришлось включиться всем, и мужчинам и женщинам. Разобрав все корзины, мешки и ведра, что были в крепости, люди нагружали их крупными кусками присыпанного солью мяса, тащили их в ворота и вниз, выгружали там на оплывшие за лето куски льда, после чего тут же спешили обратно, чтобы снова нагрузиться и пуститься в обратный путь. Работа была нудной и тяжелой, но никто не роптал. Все знали, что этим мясом они будут питаться все долгие холодные месяцы и чем больше запасут – тем сытнее доведется зимовать.

В первый струг загрузили все бочонки с солью, что имелись в запасе – и он отплыл обратно в залив, второй отправился следом уже налегке. Тем временем к берегу приткнулся третий – и к нему тоже выстроилась череда баб с лукошками и ведрами. Мужики-то в большинстве на берег ушли, там разделкой и погрузкой занимались.

Потом был четвертый струг, и пятый, и шестой. Ночь выдалась ясной, лунной, и потому работа продолжалась и на острове, и на берегу. Только на рассвете, уже после третьей ходки, струги наконец вернулись домой, торжественно выгрузив один за другим двенадцать свежих бивней, а сверх того – шесть огромных мохнатых шкур, каждой из которых можно было накрыть любой струг целиком, да еще и края до воды свешиваться будут.

– Гуляем! – решил атаман Егоров, понимая, что после такого напряжения людям нужен отдых. – Ганс, бочонки с брагой у нас еще остались? Тащи все! После такой охоты и повеселиться не грех!

– Ура-а!!! Любо атаману! Гуляем! – оживились ватажники.

– Может, пусть лучше сперва выспятся? – с сомнением переспросил немец. – Они же с устатку по паре ковшей выпьют, да и сомлеют!

– Вот пусть выпьют, да и отсыпаются, – так же тихо парировал атаман. – С хорошим настроением, да побыстрее…

– Понял, герр атаман, – кивнул Штраубе. – Сей минут исполним.

Вскоре крупные темно-красные куски товлынгова мяса, нанизанные на длинные вертелы, уже жарились у длинных очагов, роняя на угли капли янтарного жира, тут же вспыхивающие синими огоньками, источая сочный едкий аромат, покрываясь шипящей коричневатой корочкой. Казаки и полонянки, смеясь, по очереди черпали сладкую пенистую брагу из трех бочонков, поставленных у стены внутри загородки.

Посреди этого веселья только Маюни бродил с тревогой во взгляде, заглядывая в лица пирующих ватажников, заворачивая в двери башен, пристроек. Когда он направился к люку в подклеть, его нагнала Митаюки, положила руку на плечо.

Шаманенок развернулся, поморщился, отступил на шаг:

– Чего тебе надобно, ведьма?

– Перемолвиться хочу.

– Не о чем мне с тобой говорить, отродье трупное!

– Вот как? – Юная чародейка прикусила губу. – Ну и пропади ты пропадом! Сам Устинью свою ищи!

– Что-о?! Стой, ведьма! – кинулся к Митаюки остяк. – Что ты с ней сделала?!

– Не я сделала. Это Настя, жена атаманова, про нее слух дурной пустила. Вот Устинья и не снесла…

– Ты лжешь, проклятая ведьма!!! – ткнув в нее пальцем, с ненавистью прошипел Маюни. – Твой язык есть гниль навозная, твои речи поганы, как тухлые потроха, в каждом слове твоем вонь и мерзость!

– Я с радостью стерла бы тебя в порошок, грязный, вонючий, тупой дикарь! – так же зло ответила чародейка. – Раздавила бы, как опарыша в лепешке спинокрыла, брезгливо, но без труда. Лишь из-за подруги своей и терплю. А сейчас она из-за Настьки в море сбежала, в Пустозерск на лодке поплыла.

– Как… – побелел от ужаса остяк. – Она же сгинет!

– А я тебе про что, тупая отрыжка нуера?! – влепила ему пощечину Митаюки. – Очнись! Спасать Устинью надобно, пока далеко не ушла! Василь Яросеев дорогу объяснял, так сказывал, вдоль берега идти надобно и на ночь там останавливаться. Мыслю, так она и поступит. Четыре дня тому отплыла! Руки бабьи слабые, плыть будет медленно. Ты меня слышишь, шаманенок? Маюни, очнись! Ты меня слышишь?!

Паренек, глядя по сторонам шальным, потусторонним взглядом, провел кончиками пальцев по подбородку, потом вдруг сорвался с места и побежал. Ни оплеухи, ни слов чародейки он, похоже, даже не заметил.

Митаюки не спеша пошла следом, и когда вышла из острога, шаманенок уже вовсю рыскал по стругам. Залез в один, другой. Что-то взял, что-то сдвинул, что-то переложил. Подобрал какой-то куль, схватил под мышку скатку. Добежал до челнока, погрузил в него, вернулся, забрал еще мешок, отнес к челноку, столкнул на воду, сел на корму и решительно заработал веслом, быстро рассекая сверкающую утреннюю гладь моря.

Легкая лодка уходила все дальше и дальше, и расходящиеся от кормы волны терялись в морском просторе, растворяя в нем самую память о шустром и крикливом, а ныне бесследно исчезнувшем из острога шаманенке…

– Ты избавилась от своего самого опасного врага, дитя мое, и тебе даже не потребовалось использовать силу нашей колдовской мудрости, – услышала Митаюки присвистывающий шепот. – Хвалю, это испытание ты прошла достойно. Теперь я с гордостью назову тебя своей ученицей и передам тебе все тайны, которыми владею.

– Благодарю, уважаемая Нине-пухуця. Это большая честь для меня. – Юная чародейка поклонилась вслед быстро исчезающему в утренних солнечных отблесках челноку.

– Тебе обидно, – поняла ее служительница смерти. – Ты одержала большую победу, ты добилась успеха, ты одолела врага, но тебе некому похвалиться этим, негде этим гордиться. Будь осторожна, дитя мое. Если победы твои станут слишком явными, ты обретешь отнюдь не славу, ты накликаешь на себя проклятья!

– Ты проклинаема всем миром, могучая Нине-пухуця, – наконец-то обернулась к принявшей истинный облик старухе юная чародейка. – Как тебе живется с этим?

– Это тоже слава, дитя мое. – Бесцветные губы древней злой колдуньи растянулись в улыбке. – Всем нравится слава. Пусть даже она воплощается в проклятия, а не в почет и поклонение. Самая проклинаемая в подлунном мире! Я не удержалась… Получила свою долю славы. Но разве ты хочешь этого?

– Я хочу править миром, – пожала плечами Митаюки. – Без всего остального я с легкостью обойдусь.

Глава 2

Осень 1584 г. П-ов Ямал

Духи нижнего неба

Пирушка закончилась быстро, а работы удачная охота ватажникам добавила преизрядно. Шесть огромных шкур нужно было тщательно промездрить, дабы оставшийся жир и пленки с жилками не загнили, подсолить, чтобы сама кожа тоже не портилась, высушить с разминанием – дабы не затвердела, не одубела, потом хорошенько прокоптить, промазать дегтем, зажировать… В общем – так просто снятая шкура в хорошую кожу не превращается.

Опять же – длинный ворс товлынгов для одежды неудобен, и его пришлось долго и тщательно подрезать, оставляя всего на пару пальцев в длину, а получившиеся груды шерсти – тоже мыть, вычесывать, валять, мыть, топтать… Только так из шерсти теплые вкладки для колыбелек, кошма и валенки

получаются.

Причем занимались выделкой в основном женщины, ибо обычных дел тоже никто не отменял: заготовка дров, проверка ставней и ловушек, сторожевая служба, достройка амбаров, установка перекрытий, навесов. И самыми тяжелыми работами занимались, естественно, мужчины. А мездрение шкуры это что? Ползай себе да скреби тупым ножом под коленями.

Работа растягивалась почти на все светлое время дня. Который, впрочем, к зиме очень сильно «похудел». Света от далекого колдовского солнца до острога дотягивалось совсем немного, хватало только на сумерки – когда силуэты вокруг видишь, а вот детали скрадывает темнота. И чтобы ничего не напортить, женщины уходили к очагу, к теплу, свету и мужской компании. Там работы было уже меньше, и мало кто беспокоился о нехватке пары рук молодой чародейки – что уходила в противоположную сторону и садилась на берегу, поджав ноги, опускала руки на колени, ладонями вверх и начинала тихонько петь, подражая ветру, подлаживаясь к шуму волн и крикам чаек.

– Ты должна ощущать мир вокруг всем своим существом, ты должна стать его частью. Ты должна не отличаться от него. Никак. Совсем никак, – учила древняя Нине-пухуця, усаживаясь рядом и тоже затевая заунывную мелодию. – Мы должны тратить на это все свободное время, дитя мое. Научиться. Уметь. Не забывать. Ибо для нас, служительниц смерти, сие умение есть важнейшее из всех. Стать частью ветра и волн. Стать частью листвы и дождя. Стать частью света и теней…

– Как я узнаю, что постигла твой урок, уважаемая Нине-пухуця? – вздохнула Митаюки-нэ. – Что поднялась на эту ступень мудрости?

– О, это очень просто, дитя мое, – прикрыла глаза мудрая злобная старуха. – Ты видишь чаек на берегу? Если ты сможешь полностью слиться с миром, станешь неотличимой от него тенью, ветром, волной… Если ты постигнешь этот урок, то сможешь пройти мимо чаек, и они тебя не испугаются. Ибо не заметят тебя, частицу привычного им моря… Дитя мое, ты повернула голову. Значит, ты не ощущаешь чаек, тебе нужно на них смотреть. Это плохо. Ты еще совсем не готова.

– Это невозможно, Нине-пухуця, – покачала головой Митаюки. – Стать невидимой для чаек? Боюсь, сия мудрость доступна токмо тебе одной.

– Сия мудрость доступна всем, потратившим достаточно стараний, – невозмутимо ответила колдунья. – Ты происходишь из знатного рода, твои способности превышают все, о чем только могут мечтать прочие девы народа сир-тя. Но способности ничто, если не подкрепить их терпением и старанием. Довольно разговоров! Слушай море. И пой вместе с ним.

* * *

Море в эти самые минуты слушала и Устинья.

Слова Насти, которую она считала своей подругой, чуть ли не сестрой, которой доверяла, показались ей ножом, вонзенным в самое сердце. Устинья до самого конца не верила, что это именно она распускает подлые слухи об удовольствии от изнасилования менквами, что именно она напоминает всем о том давнем позоре. И вот – услышала эти слова из собственных Настиных уст.

Все сложилось разом: и позор, и насмешки, и воспоминания о боли, тяжести и вони людоедов, и понимание того, что это не кончится никогда. Что воспоминание о похотливых зверолюдях будет возвращаться раз за разом, что забыть о нем не дадут. Что кривые усмешки, перешептывания, перемигивания – это навсегда. Что раз за разом будут крутиться вокруг нее эти вопросы: «Хорошо ли было тебе с ними, Устинья?»

Она просто бежала. От позора, боли, воспоминаний. Села в лодку и поплыла. Не куда-то туда, где будет хорошо, – а прочь из того места, где хорошо уже точно не будет.

Прочь, прочь, прочь!

Туда, где ее не знают – ни имени, ни роду, ни племени. Туда, где некому будет показывать на нее пальцем, смеяться над ее позором и спрашивать о достоинствах менквов…

– Фу, мерзость! – аж передернуло казачку.

Она не знала, куда плыть, – но в голове уже всплыли советы бывалого кормчего Васьки Яросеева двигаться вдоль берега, останавливаясь на ночь на суше и там же пережидая плохую погоду. А уж про места, где можно жить спокойно далее, отринув прошлое, она за последние дни наслушалась столько, что именно о бегстве в первую очередь и задумалась. Год назад от позора голову в петлю совала, да Маюни вытащил. Ныне об этом вспомнила лишь вскользь. Да и то – как можно? Грех ведь смертный! Зачем на себя руки накладывать, коли исчезнуть живой труд совсем небольшой?

Работа веслом, поначалу казавшаяся легкой, уже через несколько часов стала утомлять. А вместе с усталостью утихали и гнев, и ненависть, и отчаяние. Тяжесть полупудовой деревянной лопасти постепенно занимала в голове все больше и больше мыслей, а гребки стали редкими и не столь сильными. В плечах нарастали боль и слабость, живот подвело. Устинья отложила весло, пробралась по лодке до носа, к куче какого-то тряпья. Там, под драной, воняющей рыбой рогожей, обнаружилась сеть для ставня, закопченный котелок, мешочек с солью, несколько больших деревянных крюков да ткацкий челнок с толстой, суровой крапивной нитью. Не иначе, лодка была рыбацкой, на каковой казаки верши проверять плавали.

– Нечто у них с собой не было ничего?! – в отчаянии разворошила снасти девушка и обнаружила у борта плетенную из лыка сумку. Торопливо открыла и с облегчением перевела дух: там лежало несколько вяленых рыбин и целый пласт соленого мяса в два пальца толщиной. Похоже, рыбаки себе ни в чем не отказывали, припасов на неделю вперед заготовили. А может статься, припасы брали на день – да на берегу свежей рыбкой лакомились, о вяленую зубы не ломали. Вот она и накопилась.

Устинья достала нож, привычно проверила на ногте заточку, отрезала себе от мяса две тонких полоски, сунула в рот, старательно пережевывая тугие волокна, вернулась на корму и снова взялась за весло, теперь уже гребя без спешки, сохраняя силы.

Яросеев сказывал, до Пустозерского острога дней за десять доплыть можно. Рыбу и мясо, коли беречь, на неделю растянуть можно. Ну, еще дня три потерпеть. А там – люди, жилье. Нечто не пожалеют Христа ради живой души? Узнать там, на Печоре, где обитель ближайшая, да в трудницы записаться. От трудниц никто и никогда не отказывается, руки рабочие завсегда везде нужны…

Взмах, гребок, отдых… Весло плывет сзади по воде, не утомляя рук и подправляя направление. Взмах, гребок, отдых… Плыть так выходило медленнее, но и не столь утомительно. Взмах, гребок, отдых… Путь предстоит долгий, силы нужно беречь. Десять дней… Главное, чтобы с погодой повезло. Если придется где-то несколько дней пережидать, еды уже не хватит.

Когда стало смеркаться, Устинья отвернула к берегу, ткнулась носом в пологий пляж. Отрезала себе еще ломтик мяса – уж очень есть хотелось, а вот чем запить – не нашла. Взяв котелок, она выбралась из лодки, пошла в сумерки. Вскоре под ногами зачавкало. Местность вокруг колдовского солнца была равнинная, влажная. Сухое место найти труднее, нежели озерцо или протоку. Девушка отступила, разулась, чтобы не мочить новенькие сапожки, с любовью сшитые заботливой Митаюки, двинулась дальше босиком. Когда ощутила, что вода поднялась сильно выше щиколоток, наклонилась, зачерпнула, попила. Вернулась к лодке, подумала, расправила лежащую кучей сеть и вытянулась на ней. Постель оказалась вонючей – но мягкой, и вскоре беглянка провалилась в дремоту.

Проснулась Устинья от холода, рывком поднялась. Вокруг царила ночь, становясь все глубже и глубже, изо рта вырывались облака пара. Поежившись, девушка столкнула лодку на воду, взялась за весло, стала грести что есть силы. Уловка помогла – очень скоро казачка согрелась и перешла на обычный, спокойный ритм. Останавливаться смысла не имело. Понятно ведь, что замерзнешь. И не выспишься, и время понапрасну потеряешь.

Когда стало светать, девушка позволила себе небольшую передышку, отрезав еще несколько ломтей солонины. Ради воды высаживаться не стала – решила дождаться ближайшего ручейка и зачерпнуть воды прямо с борта.

На солнце, пусть даже и сидящем низко над горизонтом, стало заметно теплее. Устинья даже слегка сомлела и стала клевать носом. Кабы сидела просто, а не гребла – точно бы уснула. Берег медленно катился назад, став уже совсем не таким, как возле острога. Тут не было зарослей кустарника, не стояло высоких лесов на горизонте, не зеленели густые травы. Камни и пляжи все больше укрывал густой мох, коричневый и ломкий на вид. Деревья встречались лишь изредка. Но и те казались насмешкой над настоящими: низкие, в рост человека, все из себя корявые, с отдельными веточками, похожими на растопыренные больные лапки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Г а к – самое древнее противооткатное устройство. На многих первых «огнестрелах» снизу под стволом мастера делали штырь или крюк, «гак». Этим гаком перед выстрелом воин цеплялся за край стены, борт, балку – и отдача передавалась на выбранную опору. Отсюда и название «гаковница»: ствол с гаком.

Купить: https://tellnovel.com/ru/posnyakov_andrey/ved-ma-voyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить